МОСКОВСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В. П. Попов

ОЧЕРКИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ:

ХАРАКТЕР, МЕХАНИЗМЫ, РЕЗЕРВЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

МОСКВА новый хронограф 2020

УДК [911:330](470+571)(07)
ББК 65.04(2Рос)я7
П58

Рецензенты

В.В. Кондрашин, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель Центра экономической истории Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН)

С.В. Леонов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Института социально-гуманитарного образования МПГУ

Р.Г. Пихоя, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН), главный редактор журнала «Российская история»

Попов В.П.

П58 Очерки советской экономики: характер, механизмы, резервы, демографические последствия / В.П. Попов. – М.: Новый Хронограф, 2020. – 128 с.

ISBN 978-5-94881-488-9

В книге отражены важные и дискуссионные проблемы истории советской экономики: характер и механизмы ее функционирования, государственные продовольственные резервы страны, демографические последствия экономической политики. В основе работы лежит архивный материал, собранный в четырех федеральных архивах (АПРФ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ), учтены новейшие достижения отечественной историографии по указанным проблемам.

УДК [911:330](470+571)(07)
ББК 65.04(2Рос)я7

ISBN 978-5-94881-488-9

Оглавление

Посвящается
любимой жене Ларе,
соавтору книги

Введение

Что представляла собой экономика советского периода, каковы были ее характер и механизмы действия, добилась ли она реализации поставленных целей – эти вопросы по-прежнему вызывают большой интерес в научной среде. В России на рубеже XIX–XX вв. активно развивался капитализм, однако в октябре 1917 г. большевики взяли власть в стране и за исторически короткий срок сумели воплотить на практике марксистские идеи о передаче средств производства в общественную собственность и организовать производство «по общему плану». Российское население мало-помалу было вовлечено в строительство социализма – того общественного строя, который в 1917 г. не имел еще никаких примеров конкретного воплощения и потому был лишен возможности продемонстрировать свои преимущества в сравнении с реальными достижениями капитализма. Социалистическое строительство в стране проводилось с помощью внедрения в массовое сознание новой идеологии и государственного насилия в отношении тех, кто считал социализм утопией. Поэтому в первой главе большое внимание уделено идеологической составляющей советской экономической модели, показано также существо научных споров и разногласий между сторонниками плана и рынка, кратко изложена доктрина плановой экономики академика С. Г. Струмилина, ведущего советского специалиста в этой области[1].

Идея централизованного управления народным хозяйством СССР была воплощена в пятилетних планах и планово

1 В СССР экономическая наука была представлена работами многих выдающихся ученых – Л. В. Канторовича, В. С. Немчинова, В. В. Новожилова, В. В. Леонтьева (в 1931 г. уехал в США) и других. Многие из них с помощью математических методов пытались создать оптимальную модель функционирования социалистической экономики, которая охватывала бы не только процессы планирования, контроля, регулирования, ценообразования, но и внешнеполитическую деятельность, социальные процессы, экономический рост и потребительский спрос // Всемирная история экономической мысли. В 6 т. М., 1997. Т. 6. С. 578–602.

устанавливаемых государственных ценах, с помощью чего запускался в действие весь механизм советской экономики. Советское правительство на протяжении всего времени проводило политику хозяйственной автаркии, т.е. замкнутого национального хозяйства, но, тем не менее, в своих плановых расчетах оно ориентировалось на мировые цены, действовавшие в международной рыночной торговле. Необходимость постоянно сверять уровень развития экономики Советского Союза и передовых капиталистических стран заставляла управленческие органы выполнять огромную работу по учету и контролю за подготовкой, корректировкой и выполнением плановых показателей, число которых непрерывно росло по мере создания новых отраслей и усложнения задач управления. Эти проблемы, как и вопрос об ответственности за результаты хозяйственной деятельности, подробно рассмотрены в первой главе.

Главным приоритетом советской экономики было создание могучего оборонно-промышленного комплекса, способного выдержать конкуренцию с военной мощью западных держав, что вело к милитаризации всего народного хозяйства страны. Максимальные усилия и капиталы советское правительство сосредоточивало в сфере тяжелой индустрии, производящей средства производства (группа «А»), тогда как производство предметов потребления (группа «Б») всегда развивалось по остаточному принципу[1]. Важнейшие части советской системы – идеологическое, репрессивное

1 По расчетам Госплана СССР в 1913 г. в стране удельный вес производства средств производства ко всей промышленности составлял 33,6%, а производство предметов потребления – 66,4%; в 1925 г. – 34,1% и 65,9% соответственно, в 1927 г. – 38,6% и 61,4%, в 1932 г. – 53,4% и 46,6%, в 1940 г. – 61,2% и 38,8%, в 1945 г. – 74,9% и 25,1%, в 1948 г. – 67,5% и 32,5%, в 1953 г. – 69,5% и 30,5% соответственно // АПРФ. Ф. 3. Оп. 54. Д. 96. Л. 117–161. К этому следует добавить, что, как отмечалось руководством Госплана и ЦСУ СССР в ноябре 1953 г., «за счет налога с оборота, взимаемого в стоимости сырья, удельный вес группы «А» в общей стоимости продукции в оптовых ценах предприятий занижается, а удельный вес группы «Б» завышается» // *Там же.* Ф. 3. Оп. 56. Д. 9. Л. 187. Нетрудно заметить, что качественные сдвиги в соотношении между производством предметов потребления и производством средств производства в пользу последнего произошли за годы двух первых пятилеток. Отмеченная диспропорция в народном

государство и централизованная плановая экономика – составляли единое целое в теории и на практике. Это обстоятельство, на мой взгляд, объясняет, почему многие ученые до сих пор убеждены, что сталинская индустриализация способствовала ликвидации отсталости страны, соответствовала ее национально-государственным интересам и, тем самым, не могла не иметь «поддержки в обществе»[1]. Руководствуясь подобной логикой, следовало бы оправдать массовые голод и репрессии 1930–1940-х гг., ликвидацию зажиточных крестьян (кулачества), миллионы жертв ГУЛАГа и другие факты нашего тоталитарного советского прошлого. Риторика ряда ученых о том, что советская экономика во всех своих проявлениях была призвана обслуживать нужды народа, и не только оборонные, но и социально-культурные, противоречит историческим фактам. Чтобы доказать это, я взял в качестве основного объекта изучения во второй главе государственный резерв хлеба, который, по моему мнению, наилучшим образом характеризует распределительную систему, действовавшую в СССР.

Третья глава стала наиболее сложной для написания, поскольку я поставил задачей доказать простой, но не очевидный тезис: главной причиной роста смертности и снижения рождаемости в СССР в послевоенные годы были не последствия Второй мировой войны, а результат того колоссального перенапряжения народных сил, которое вызвал сталинский экономический курс. Огромный разрыв между возможностями людей и навязанной им государством хозяйственной практикой стал отправной точкой для *послевоенной демографической катастрофы.* В отечественной литературе никем не оспаривался вывод о том, что Вторая мировая война была источником невиданных по размерам демографических потерь, которые превосходили суммарные потери населения Советского Союза и от массового голода начала 1930-х гг., и от государственного террора и политических репрессий. Однако еще в конце

хозяйстве сохранялась все последующие годы, несмотря на отдельные и безуспешные попытки ее устранить.

1 *Соколов А. К.* Историческое предисловие // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Сб. документов. М., 2008. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932). С. 6.

войны известный демограф А. Я. Боярский на основе специальных обследований пришел к выводу о начале в стране повышательной тенденции рождаемости. В главе показано, что, несмотря на возвращение в 1946 г. миллионов демобилизованных воинов, эта тенденция вскоре изменилась и началось попятное движение. Причины этого явления рассмотрены в третьей главе. Восстановление реальной картины связано с рядом трудностей. Во-первых, учет основных показателей демографического состояния населения СССР за 1941–1945 гг. на всей территории страны был невозможен из-за немецкой оккупации, а на остальной территории в эти годы он не отличался точностью и полнотой. Во-вторых, по-прежнему политический фактор во многом определяет рамки современных исследований по данной проблеме и влияет на оценки, поскольку многие ученые убеждены в том, что «завышать людские потери» значит «унижать собственную страну». В-третьих, и это, на наш взгляд, самая большая проблема, в рассматриваемый период очень трудно «разграничить кризисную и эволюционную составляющую демографических изменений»[1].

По моему мнению, именно в рассматриваемый период сельское население рассталось с надеждами на возможность устроить лучшую, зажиточную жизнь. Стихийная миграция в города все время нарастала, ее не в силах были остановить даже паспортные ограничения, стоявшие плотиной на пути бегства из деревни. Вкупе с голодом, который отечественные историки традиционно связывают с засухой 1946 г., миграция все больше и больше подтачивала людские ресурсы села. Уезжали все, кто мог уехать, оставались те, кто был лишен такой возможности. «Здесь дыра – иди туда, где картинка!» – так рассуждали люди старших возрастов, напутствуя молодежь в поисках лучшей жизни. Этот поворот в сознании населения был главным фактором, определившим последующие демографические перемены в стране. Он стал проявляться раньше и влиял сильнее на сокращение численности сельского населения, чем последствия в СССР так называемого второго демографического

[1] Демографическая модернизация России. 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006. С. 442–443.

перехода, связанного с распространением свободы индивидуального выбора людей в области личной жизни, который развернулся в нашей стране лишь на рубеже 1990-х гг.[1]

Фактическую основу книги составили документы четырех федеральных архивов (АПРФ, ГАРФ, РГАСПИ, РГАЭ), в которых автор работал свыше 30 лет. Автор выражает особую признательность профессору Рудольфу Германовичу Пихоя, инициировавшему написание данной книги, а также своим коллегам – профессорам Виктору Викторовичу Кондрашину, Сергею Викторовичу Леонову, Дмитрию Николаевичу Платонову, которые своими ценными советами помогли ему в работе.

[1] *Там же.* С. 139.

Глава 1

Характер советской экономики и механизмы ее функционирования

Актуальность

Цель настоящей главы – определить, являлся ли характер советской экономики, созданной в стране к середине 1930-х гг., основной причиной системного кризиса, который привел к распаду СССР, каковы были механизмы ее функционирования и почему Советская Россия так и не смогла интегрироваться в мировую хозяйственную систему.

Чтобы ответить на эти вопросы, я выбрал ряд ключевых, по моему мнению, сюжетов. Это, прежде всего, влияние идеологии на экономическую политику страны в XX в. Отсюда внимание к таким фигурам, как С. Ю. Витте, В. И. Ленин, И. В. Сталин, обращение к тексту программы РКП(б) в области экономического переустройства российского общества (март 1919 г.). Также важно было определить, с какого времени план стал главным инструментом, с помощью которого приводился в действие весь механизм социалистической экономики. Поэтому я уделил внимание полемике между учеными, считавшими рынок и рыночные цены важной предпосылкой построения плана, и теми, кто был убежден, что план должен ограничивать стихию рынка. Я выбрал работы видного советского экономиста С. Г. Струмилина, которые отразили коллизии этой борьбы.

После огосударствления не только промышленности, но и сельского хозяйства, завершившегося раскулачиванием и созданием колхозной системы, большевики перешли от регулирования к планированию цен. К 1940 г. в СССР действовала система *планово* установленных государственных цен – розничных, оптовых, заготовительных, чтобы связать в единое целое торговлю, промышленность и сельское хозяйство. Система должна была обеспечить контроль за издержками производства и обращения, стимулировать

рациональное использование материальных ресурсов, организовать потребительский спрос и развернуть товарооборот. Любая экономическая деятельность требует денежного расчета, чтобы вычислять, сопоставлять и принимать окончательные решения, но, когда государство заменило рыночные цены плановыми, это означало, что правительство стало само определять производство и потребление. Так в главе появился сюжет, связанный с налоговой системой, которая позволяла осуществлять изъятие и перераспределение денежных накоплений в форме единого налога с оборота.

Чтобы наглядно показать, как в целом действовала модель социалистической экономики и в чем заключались ее важнейшие отличия от капиталистической, я составил схему (помещена в конце главы), взяв за основу работы Л. фон Мизеса и Я. Корнаи, в том числе использовал их понятийный аппарат. Первый ученый являлся наиболее ярким и последовательным критиком социализма и предсказал его неизбежное поражение, второй имел возможность изнутри изучать и социалистическую, и капиталистическую системы (он продолжает эту работу). Социалистическая система условно названа *управленческой*, капиталистическая – *предпринимательской*. Последняя организуется рынком и рыночными ценами, конкуренцией, цель которой – получение максимальной прибыли за счет удовлетворения желаний потребителей. В основе этой модели лежит частная собственность на средства производства, которой ее владельцы распоряжаются как угодно. Я. Корнаи назвал ее «экономикой избытка». В другой модели движущей силой экономического процесса является выполнение установленных правительством плановых заданий; она основана на государственной собственности на средства производства.

Главное отличие между обеими моделями заключается в том, что при капитализме каждый член общества свободен и в выборе своей предпринимательской деятельности, и в роли потребителя при выборе необходимых ему товаров. При социализме этот выбор остается за правительством; человек выбирает, но только из того ассортимента, который предлагает ему плановая государственная система. При этом нельзя оценить наличные возможности производства, т.к. установленные государственными экспертами плановые цены на

факторы производства относились к прошлому (они составлялись на определенную расчетную дату) и эксперты не могли учесть цены на факторы, потребность в которых появится завтра. Оценки экспертов, определявших цены на средства производства и потребления, были подвержены крайнему субъективизму; кроме того, они не могли знать, как через год или два изменится потребительский спрос в стране, поэтому производство средств производства при социализме всегда опережало производство предметов потребления. Эту модель Я. Корнаи назвал «экономикой дефицита». В условиях централизованной плановой модели резко повышалась роль управленческого аппарата и этому сюжету уделено в главе особое внимание.

Как уже отмечалось, экономика СССР представляла замкнутое национальное хозяйство (автаркию), стремившееся обойтись без постоянных международных торговых связей. Немногие советские деятели, предлагавшие проводить политику внешних займов, рассматривались в годы индустриализации как «сводня мирового капитала»[1]. Советское правительство считало хозяйственную автаркию наиболее целесообразной формой управления экономикой в условиях капиталистического окружения, что позволяло, по его мнению, наилучшим образом разрешать задачи всего общества в целом. На ряде примеров (деятельность Л. Б. Красина по привлечению капиталов в Россию, события Бреттон-Вудской конференции, меры по переводу курса рубля на золотую основу) показано, что это был тупиковый путь развития советского хозяйства, ведущий к международной изоляции и закрепляющий произвол руководителя страны в области экономической политики. В главе показано, что эта политика способствовала *милитаризации* советской экономики, постоянному приоритету военных отраслей над гражданскими.

Важное место в главе занял сюжет, связанный с частным домохозяйством, которое развивалось в форме мелкой промышленности и кустарных промыслов. Для меня было важно уяснить причины «свертывания» этой формы народной деятельности

[1] *Струмилин С. Г.* Первые опыты перспективного планирования. 1930 г. // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1963. Т. 2. На плановом фронте. С. 184.

в советский период. Еще один сюжет посвящен проблеме потребления. Экономисты-рыночники убеждены, что благосостояние населения измеряется потреблением, а не доходом, поэтому если власть утверждала, что благосостояние населения повысилось на определенную величину, на такой же процент должно было повыситься и потребление. Экономисты-плановики считали подобный подход «грубейшей ошибкой».

Основное внимание в работе уделено времени создания и развития системы экономической организации советского общества.

Рассмотрение заявленных вопросов я начал с краткого обзора соотношения рыночного механизма и государственного регулирования экономики в условиях царской России, чтобы понять, в какой степени экономическое наследие, доставшееся большевикам, повлияло на выработку ими собственной хозяйственной политики.

Наследие царской России

Никто из современных ученых не ставит под сомнение то, что Россия на рубеже XIX–XX вв. представляла собой страну поздней индустриализации, чья экономика носила рыночный характер, а хозяйственный потенциал концентрировался преимущественно в аграрном секторе; страну, где, благодаря усилиям С. Ю. Витте, пытались активно применять методы государственного регулирования экономики. Важной особенностью развития было значительное влияние иностранного капитала, при этом отечественные предприниматели занимали лидирующие позиции в народном хозяйстве. Вместе с тем, сохранялись крепостнические пережитки в деревне, малоземелье крестьян и бедность многих из них.

Однако в оценке роли государства в экономике страны позиции ученых различаются. Так, В. И. Бовыкин отмечал, что известная концепция, выдвинутая Гершенкроном и фон Лауде о решающей роли экономической политики царского правительства в индустриализации России, в последние десятилетия «стала подвергаться критике». Он считал более предпочтительной концепцию И. Ф. Гиндина о том, что эта политика являлась лишь «производным и подчиненным элементом», а в действительности она

преследовала цель «постепенной буржуазной трансформации старого господствующего класса помещиков и помещичьего государства». Бовыкин утверждал, что «чем позднее страна приобщилась к капитализму, тем многообразнее становились функции государства»[1]. По мнению Ю. А. Петрова, три фактора действовали решающим образом на бурный рост индустриального развития страны на рубеже XIX–XX вв.: активность отечественного предпринимательского капитала, иностранные инвестиции и целенаправленная политика государства. Здесь, на мой взгляд, требуются некоторые уточнения. Если взять главный показатель предпринимательской деятельности (по Петрову, факторы номер один и два), то сумма капиталов всех акционерных коммерческих банков в России составляла (в млн. руб.): в 1900 г. – 204, в 1908 г. – 244, в 1917 г. – 680. Этот рост был характерен и для банков с участием иностранного капитала, и для банков без такого участия[2]. Об устойчивости финансовой системы страны свидетельствуют и факты, приведенные Петровым в другой работе: за 3,5 военных года расходы на войну составили 9 годовых бюджетов 1913 г.; при этом цены выросли в семь раз, а покупательная способность рубля снизилась вчетверо, и, несмотря на это, «доверие к бумажным деньгам» сохранялось у населения до февраля 1917 г. Еще один немаловажный факт – доходы от введения «сухого закона» сократились, но казне удалось компенсировать это за счет эмиссии и внутренних займов. В 1916 г. объем налоговых сборов практически сравнялся с показателем 1913 г.[3] Что же касается огромного роста государственного долга России, увеличившегося за войну

1 *Бовыкин В. И.* Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 9–32.

2 *Гиндин И. Ф.* Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М., 1948. С. 401.

3 Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политические кризисы. М., 2014. С. 379–386. Финансирование военных расходов России происходило на 75% за счет внутренних займов и выпуска бумажных денег, на 25% за счет внешних займов, где основными кредиторами являлись Великобритания, Франция и США // Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. М., 2017. Т. 5. С. 586, 617.

в 4,5 раза, то подобный рост был характерен для экономики всех воюющих держав. Существо системы Витте Петров видит в том, что в условиях самодержавия ускоренное развитие национальной промышленности было «возможно только за счет интенсивного использования государственного хозяйства и государственного вмешательства в экономику». Мирной «эволюционной модели экономического развития» помешала, по его мнению, Первая мировая война, которая разрушила эту «оказавшуюся довольно хрупкой финансово-экономическую систему»[1].

Многие исследователи продолжают настаивать на том, что в результате участия России в Первой мировой войне «усилилась централизация и *были заложены основы мобилизационной модели экономики* (*курсив наш.– В.П.*) ... [и] объективно потребность в сильной власти резко возросла»[2]. По мнению А. П. Корелина, «в годы войны отчетливо проявились слабости государственного сектора (малочисленность и низкая производительность казенных предприятий, отсутствие новейших видов производства, развал транспортной инфраструктуры и т.д.)», а сама Россия превратилась в «политически нестабильного... аутсайдера»[3]. Налицо противоречие: или война не являлась подлинным мерилом для оценки эффективности экономической системы России, или роль государства не была ведущей даже при проведении им соответствующей хозяйственной политики.

На мой взгляд, нельзя утверждать, что война разрушила экономическую систему, она только усилила так называемое стадиальное отставание России от своего главного противника – Германии «в среднем на 60 лет»[4]. Можно согласиться с тем, что Версальский

1 *Петров Ю. А.* Экономический рост позднеимперской России и система С. Ю. Витте // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Материалы Всеросс. науч. конф. Екатеринбург, 2019. С. 32–36.

2 Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 5. С. 401. С этим утверждением трудно согласиться: авторы не раскрыли само понятие «мобилизационная экономика», для которой, на наш взгляд, характерна единая политика, тогда как в царской России существовали различные интересы крупных финансово-промышленных групп.

3 Россия в годы Первой мировой войны... С. 181, 185.

4 Первая мировая война 1914–1918 годов. Т. 5. С. 395.

мирный договор, который подвел итоги Первой мировой войны, принял такую модель экономического взаимодействия европейских стран, при которой новое государственное размежевание «полностью разрушило экономические связи в Центральной и Восточной Европе»[1]. Что же до разрушения дореволюционной модели, то, как свидетельствуют факты, ее целенаправленно разрушили большевики своей политикой национализации промышленности и введением «рабочего контроля» на производстве.

Главным фактором в выборе модели экономического развития страны, на мой взгляд, был идеологический. Как известно, С. Ю. Витте был почитателем и ревностным сторонником учения Ф. Листа, чьи положения интерпретировал по-своему. Витте отмечал прямую связь между идеями Листа и практической деятельностью О. Бисмарка по объединению Германии «с резким выражением национализма и министерством, зависящим лишь от императора». Классическая политэкономия, в отличие от идей «национальной экономии» Листа, считал Витте, имела следующие «существенные недостатки»: «химерический космополитизм», игнорирующий национальные интересы, «безудержный материализм» («меновые ценности»), стоящий вне нравственных и политических интересов, и «разрушительный индивидуализм», уделяющий внимание лишь «частной промышленности». Свобода торговли, по Витте (и согласно Листу), возможна лишь тогда, когда в стране завершается переход от аграрного к индустриальному строю и собственная промышленность укрепляется[2]. По существу, был представлен идеологический проект, протекционистский по своей сути, которым Витте предлагал руководствоваться при выборе экономического курса страны. Рост стачечного движения в России требовал от властей усиленного внимания к решению социальных проблем рабочих, и здесь политика Бисмарка должна была, видимо, послужить примером.

Витте не обладал той степенью политической власти, которая позволила бы ему воплотить свое экономическое кредо; помимо

[1] *Там же.* Т. 6. С. 12.

[2] *Витте С. Ю.* Национальная экономика и Фридрих Лист. СПб, 1912 (первое издание вышло в 1889 г.).

этого, условия хозяйствования двух стран имели принципиальные отличия. Так называемая Sozialpolitik (социальная политика), превозносимая «железным канцлером», была направлена на повышение ставок заработной платы, увеличение доходов и рост уровня жизни рабочих. Эти меры, оформленные законодательно, увеличивали издержки немецких производителей и тем снижали их конкурентоспособность в сравнении с зарубежными предпринимателями. Однако промышленность Германии, отмечают экономисты, прямо зависела от импорта сырья и продовольствия, который можно было покрывать только экспортом промышленных изделий. Протекционистские пошлины позволяли правительству устанавливать монопольные цены на разные товары внутри страны, но на внешнем рынке ему приходилось экспортировать их по более низким ценам с учетом зарубежной конкуренции. Невозможность прекращения экспорта во избежание остановки всего производства вынуждала правительство субсидировать его или за счет казны, или с помощью монопольных цен на разные товары за счет потребителя. В перспективе такая Sozialpolitik рано или поздно терпела крах.

Исторические условия, в которых развивалась экономика России, были иными. Она опиралась на необозримые природные и людские ресурсы страны, но испытывала постоянную нехватку отечественных капиталов. Последнее обстоятельство большевики первоначально не приняли в расчет и после захвата политической власти стали неуклонно проводить политику хозяйственной автаркии. Сохранившийся в стране государственный сектор экономики и присущий его рабочим патерналистский менталитет во многом помогли принятию в октябре 1917 г. нового экономического курса[1].

[1] В. В. Поликарпов, детально исследовавший секвестр крупнейшего в России Путиловского завода в феврале 1916 г. и связанный с этим событием рост стачечного движения в столице, сделал следующий вывод: «В переломную эпоху войны и революции патриархально-патерналистский, не обязательно царистский, но государственнический в основе строй мышления все еще заметно влиял на поведение рабочих масс, на первый план выступило *моральное негодование, вызванное наглым своекорыстием хозяев* (*курсив наш.– В.П.*)» // *Поликарпов В. В.* От Цусимы к Февралю: царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 485–486. Здесь

Идейные истоки советской экономической модели

Среди ученых преобладает мнение, что экономические воззрения отечественных деятелей XVII–XIX вв. представляли преимущественно пеструю смесь переработанных на российский лад идей западной науки. Здесь и Афанасий Ордин-Нащокин, действовавший «в духе меркантилизма», и родоначальник русской агрономии Андрей Болотов, последователь «прикладной физиократии», и И. В. Вернадский, Б. Н. Чичерин, Н. Г. Чернышевский, ставшие активными толкователями идей классической политэкономии А. Смита, Т. Мальтуса, И. Бентама, Дж. Милля. Ученые если и отмечали черты самобытности русской экономической школы, то считали, что она проявлялась в первую очередь «в выраженной практической социальной направленности»[1]. Столь же однозначны в своих оценках и западные специалисты[2].

Ученые относят формирование доктрины планового хозяйства большевиков к идеям К. Маркса и Ф. Энгельса, К. Каутского и К. Баллода[3]. Янош Корнаи ставит актуальнейший вопрос: «Какова связь между теоретическими идеями Маркса и историческими реалиями социалистической системы?»[4]. По его мнению, в 1917–1989 гг. в «коммунистической части мира» общество являлось «воплощением социалистической системы», предсказанной К. Марксом в его сочинениях. Об этом свидетельствует наличие двух важнейших черт *реального социализма* – уничтожение частной собственности, замена ее общественной («в форме государственной собственности») и полный отказ от «рыночной координации»,

отражено мнение историка, который полностью разделяет «моральное негодование» рабочих, оставляя без внимания экономические последствия процесса огосударствления экономики, которому потакали правительственные и военные круги царской России.

1 История экономических учений: уч. пособие / Под ред. В. С. Автономова и др. М., 2000. С. 330–343.

2 *Цвайнерт Й.* История экономической мысли в России. 1805–1905 / Пер. с нем. М., 2008. С. 372.

3 История экономических учений. С. 410–416.

4 *Корнаи Я.* Маркс глазами восточноевропейского интеллектуала // *Корнаи Я.* Размышления о капитализме / Пер. с венг. М., 2012. С. 315.

переход к «централизованному планированию, бюрократической координации и принудительному хозяйствованию». Также Корнаи отмечает, что в рамках вновь созданного хозяйственного механизма невозможно было обойтись без репрессий, которые обеспечивали «дисциплину и выполнение распоряжений сверху». Отличительная особенность марксистского мировоззрения, отчетливо проявляющаяся у его последователей в форме морального релятивизма, заключалась в том, что Маркс «игнорировал саму *проблему* (*курсив Корнаи.* – *В.П.*)» связи между демократическими институтами, правами человека на свободу и опасностью диктатуры. Из этого «выросло здание тирании Ленина – Сталина – Мао»[1].

Понимание Лениным основ экономической жизни, в том числе экономики будущего социалистического общества, отчетливо проявилось уже в работах 1917 г. Вслед за Марксом он рассматривал коммунизм «как нечто развивающееся из капитализма». Все экономические предпосылки нового строя, полагал Ленин, уже созданы капитализмом; осталось заменить капиталистов и чиновников «в деле *контроля* за производством и распределением, в деле *учета* (*курсив везде Ленина.* – *В.П.*) труда и продуктов – вооруженными рабочими, поголовно вооруженным народом». Итак, труд предпринимателей легко заместить «контролем» и «учетом» или, как писал Ленин, путем «всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответствующих расписок». Правда, он отделял эти «простые административные функции», выполняемые капиталистами и чиновниками, от труда «научно образованного персонала инженеров, агрономов и пр.», которые, по его разумению, «будут работать еще лучше завтра, подчиняясь вооруженным рабочим». Им был дан и прообраз будущей экономической модели нового строя: «Все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы»[2].

Что же, по мнению Ленина, должно было заменить в общественном производстве, помимо «учета» и «контроля», прежнюю,

1 *Там же.* С. 314–321.

2 *Ленин В. И.* Государство и революция. Август–сентябрь 1917 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33. С. 98, 100–101.

присущую капитализму, предпринимательскую инициативу, основанную на получении прибыли за счет предвидения и максимально полного удовлетворения потребительского спроса? Об этом важнейшем для любой общественной системы вопросе Ленин задумался позже, когда ставка на «вооруженных рабочих» не принесла ожидаемых результатов и, чтобы провести социалистические преобразования, он был вынужден уже весной 1918 г. «согласиться на очень высокую оплату "услуг" крупнейших буржуазных специалистов». Ленин был уверен, что «мы через год скинем с себя эту "дань"», если «передовые рабочие и беднейшие крестьяне... при помощи советских учреждений» успеют создать «могучую трудовую дисциплину»[1]. Перед нами первоначальный «рецепт», легший в основу последующей политики большевиков, который привел к полной бюрократизации управления народным хозяйством.

Один из истоков идейных представлений большевиков о конкретной модели «единой фабрики», т.е. о будущем экономическом построении нового социалистического общества, прослеживается ясно. Второй исток – народнические идеи, идущие от Герцена с его теорией «русского социализма», и необычайная живучесть крестьянской общины, долгие годы сохранявшей свое место в экономическом строе России[2]. Сразу оговоримся, психологическую привычку российского населения, в том числе и в современных условиях (сохранение у многих горожан пресловутых «шести соток»), к традиционному хозяйственному укладу мы ставим на первое место среди факторов, обусловливающих *длительность* существования прежних форм хозяйства. Для сельского населения – это следование общинным традициям, для горожан, большинство которых состояло из вчерашних деревенских жителей, это тесная связь с сельской культурой.

1 *Ленин В. И.* Очередные задачи Советской власти. Март 1918 г. // *Там же.* Т. 36. С. 178–181.

2 Современные историки, изучающие эволюцию взглядов Ленина на место и роль крестьянства в революции, считают, что элементы народнических воззрений были характерны не только для него, но, отчасти, и для Маркса после его ознакомления с историей России // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. С. 678–679, 691–692.

Из нашей экономической истории известно, что рыночные отношения могут развиваться в условиях доминирования крайних форм государственной регламентации, «принимавших форму принуждения». Так, отмечает Д. Н. Платонов, еще в петровской мануфактуре переплетались государственные и частные интересы, при «крепостнических методах ведения хозяйства». В результате, складывающиеся хозяйственные связи имели разные по направленности векторы развития. Еще одна важная особенность Петровской эпохи, подчеркивает он, насаждение мануфактур «сверху» при одновременном росте мелкой промышленности «снизу». Вовлечению в товарно-денежные отношения способствовала поголовная подать, собираемая в денежной форме, что вело к расцвету торговли[1]. Вопреки устойчивому мнению, что рыночные отношения «непременно должны... серьезно подтачивать натуральные формы хозяйствования», Платонов в своем исследовании показывает иную картину: возможность частных домохозяйств, их форм и устройства «*свертывать и развертывать* (*курсив наш.– В.П.*) самые разнообразные отрасли, если им соответствовали условия хозяйствования и семейный потенциал»[2].

Частное хозяйство и проблема капиталов в условиях нэпа

Итак, мелкая промышленность, которая росла в России «снизу», существовала испокон веков и составляла важнейшую часть народного хозяйства страны[3]. Каков был ее потенциал, как «свертывалось и развертывалось» частное домохозяйство при большевиках? Без

1 *Платонов Д. Н.* У истоков русской экономической науки. Монография. М., 2014. С. 27.

2 *Там же.* С. 28–37.

3 По данным Ю. А. Петрова, с пореформенного периода в России мелкотоварное промышленное и ремесленное производство в сравнении с крупным «испытывало бóльший налоговый гнет», и это не только тормозило «утверждение частнопредпринимательских начал на низовом экономическом уровне», но и «препятствовало их технической модернизации» // *Петров Ю. А.* Налоги и налогоплательщики в России // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003. С. 415–416.

краткого ответа на этот вопрос будет непросто объяснить многие важные стороны нашей экономической истории. Если обратиться к работе одного из крупнейших авторитетов в области изучения мелкой промышленности А. А. Рыбникова[1], то, согласно его данным, перед Первой мировой войной в крупной индустрии трудилось 2,7 млн. рабочих, в мелкой сельской индустрии – 4,0 млн., а в мелкой городской – 1,2 млн. человек. Таким образом, численность рабочих мелкой промышленности почти вдвое превосходила их численность в крупной промышленности. Вторая отличительная особенность мелкой промышленности заключалась в том, что по стоимости валового производства она «была в два раза меньше крупной промышленности»; еще больше была разница в производительности труда, особенно мелкой сельской индустрии. При оценке этого хозяйственного явления следовало, по его мнению, учесть и большую насыщенность отраслей мелкой промышленности трудом и «малую емкость их в отношении основных капиталов». Он полагал, что «без содействия мелкой промышленности» будет «весьма трудно» решить проблему «организации труда в России при ничтожных запасах капитала»[2].

Несмотря на провальный характер политики военного коммунизма[3], идеологическая доктрина о социалистическом переустройстве российского общества была закреплена во второй Программе РКП(б), принятой в марте 1919 г.[4], и не пересматривалась десятки

[1] *Рыбников А. А.* Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922.

[2] *Там же.* С. 17–18, 46.

[3] Укажем лишь некоторые работы современных Ленину известных ученых, давших критическую оценку экономической политике большевиков в годы военного коммунизма: *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999; *Валентинов Н. (Н. Вольский).* Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991; *Далин Д.* После войн и революций. Берлин, 1922; *Кафенгауз Л. Б.* Статьи 1917–1918 гг. // *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. М., 1994. С. 628–653; *Литошенко Л. Н.* Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

[4] К ней относились следующие задачи: окончательная ликвидация частной собственности на средства производства, включая землю, объединение всей хозяйственной жизни страны по «одному

лет. Большевики стремились достичь поставленных целей, опираясь на «командные высоты в экономике» и не смущаясь тем, что многие из этих идей не удалось реализовать (например, заявленное Лениным уничтожение товарного обращения, торговли и денег, поголовное участие всего населения в управлении государством и пр.). Нэп представлял тактический маневр советских лидеров, позволивший продолжить прежний курс, но более сложным, не прямым путем, ведущим к «победе социалистических форм хозяйства». Осуществлению планов способствовало то обстоятельство, что после победы большевиков в Гражданской войне в стране «никакой другой власти не было и не предвиделось»[1]. Однако хозяйственная разруха вынудила их привлечь к восстановлению те силы, которые были способны это сделать. Еще с лета 1918 г. по 1921 г. Ленин все чаще обращался к теме общественно-экономических укладов, которые, по его мнению, были свойственны экономике переходного характера. Он выделял: натуральное крестьянское хозяйство (патриархальное), мелкотоварное производство, частнохозяйственный капитализм, государственный капитализм и социализм. Предложенная им классификация носила формальный характер, но позволяла большевикам определить друзей, попутчиков и врагов на хозяйственном фронте. Конкуренцию Ленин воспринимал как классовую борьбу и констатировал: «Мелкая буржуазия сопротивляется против всякого государственного вмешательства, учета и контроля как государственно-капиталистического, так и государственно-социалистического», а потому является «главным “внутренним” врагом экономических мероприятий Советской

общегосударственному плану», централизация производства, «поголовная государственная мобилизация всего трудоспособного населения», замена торговли распределением продуктов в общегосударственном масштабе, национализация банков и монополизация всей банковской системы, с превращением их «в рычаг экономического переворота», придание государственной власти функции «управления экономикой страны» // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1940. Кн. 1. С. 289–294. Подчеркнем важнейший факт: к середине 1930-х гг. 9/10 этих задач были решены.

[1] *Валентинов Н. (Н. Вольский).* Новая экономическая политика... С. 56.

власти»[1]. Таким образом, огромный сектор экономики, складывавшийся веками и растущий «снизу», рассматривался как враг и подлежал уничтожению.

Чего так боялись большевики? В первую очередь того, что, «плывя по волнам нэпа» (выражение Е. А. Преображенского), государственное хозяйство не выдержит конкуренции с частным, что «переход промышленности на рельсы товарного хозяйства» приведет к оппозиции хозяйственных работников, «бессознательно отражающих» новую реальность, и что, «вызвав рыночного дьявола» (выражение Л. Д. Троцкого), большевики не получат ожидаемых результатов[2]. «Что такое ремесло и кустарничество? – вопрошал делегатов XII съезда партии Троцкий, делавший доклад о промышленности, – это тот питательный бульон, из которого в прошлом развивался наш капитализм, по крайней мере, одним своим крылом»[3].

Нехватка капиталов для развития крупной промышленности представляла трудную проблему для Советской России; в царские

1 *Ленин В. И.* О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Май 1918 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 296–297; *Ленин В. И.* Доклад о продовольственном налоге. Апрель 1921 г. // *Там же*. Т. 43. С. 158.

2 Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1963. С. 144, 310.

3 Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 313. Например, в Сибири, по данным А. А. Николаева, объем выпускаемой накануне Первой мировой войны мелкой и кустарно-ремесленной промышленностью (в основном крестьянской) продукции покрывал все потребности крестьянских хозяйств в транспортных средствах (телеги, колеса, сани), деревянной посуде, мебели, сельхозорудиях (сохи, бороны, грабли, лопаты, вилы); кустари шили крестьянскую одежду и обувь. После завершения Гражданской войны наблюдался рост этого сегмента экономики, а в конце 1920-х гг. государство стало осуществлять «ликвидацию частного капитала в мелкой промышленности и окончательное огосударствление промысловой кооперации». Этими мерами был затронут широкий слой кустарей и ремесленников, которые использовали вспомогательный персонал. Они лишались избирательных прав и направлялись вместе с семьями в лагеря // *Николаев А. А.* Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе. Новосибирск, 2000. Подчеркнем, это было не только производство, но и *образ жизни* миллионов людей, которые кормили себя и свои семьи. В поисках капиталов для индустриализации советская власть экспроприировала не только «экспроприаторов», но и «трудящихся».

времена она решалась с помощью иностранных займов, но многие представители большевистского руководства отвергали этот путь. На заседании подготовительной комиссии перед конференцией в Генуе (1922 г.) при обсуждении вопроса о создании смешанных трестов по добыче нефти и угля с участием государства и иностранного капитала нарком внешней торговли Л. Б. Красин так обозначил проблему: «Пока мы собственными силами, деньгами и мозгами не в состоянии справиться с восстановлением производства в этих жизненно важных отраслях промышленности, нам не остается ничего иного, как призвать иностранный капитал, хотя бы пришлось ему здорово заплатить за науку»[1]. Красин, сделавший в дореволюционные годы блестящую карьеру бизнесмена и управляющего[2], не мог не осознавать силу и слабость советского режима: силу – в смелости применять ее для решения всех сложных и трудноразрешимых проблем, слабость – во внутренних противоречиях и остром соперничестве, которые раздирали партию изнутри, в некомпетентности и отсутствии специальных знаний и профессиональных умений большинства партийных лидеров, включая Ленина, в вопросах экономики[3]. На XII партийном съезде в своем письменном заявлении он вновь возвращается к этому вопросу: «Я говорил и утверждаю и теперь, что без кредитов и займов извне экономическое восстановление будет долгим мучительным процессом, при котором России угрожает превращение в чисто крестьянскую страну»[4].

1 *Голанд Ю.* Потерянный шанс (о привлечении иностранного капитала) https://www.yabloko.ru/Themes/SRP/shans.html

2 *О'Коннор Т. Э.* Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993. По мнению немецкого ученого *Й. Хойслера*, в основу принципа монополии внешней торговли, отстаиваемой Красиным, «легла разработанная Красиным на основе опыта работы у Сименса стратегия деятельности международной компании, формирующей единую позицию на рынке» // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М., 2014. С. 471.

3 В письме к жене (8 октября 1922 г.), характеризуя оппозицию в советском руководстве своей концессионной политике, он с горечью и негодованием замечал: «Все труды, энергия, талант пропали даром и небольшое количество ослов и болванов разрушило всю мою работу» // *Красин Л. Б.* Письма к жене и детям. 1917–1926 / Под ред. Ю. Фельштинского и др. [Б.г., б.м.]. С. 84.

4 Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 194.

Как в действительности обстояло дело с частным капиталом в годы нэпа? По распоряжению Ф. Э. Дзержинского было проведено обследование, которое дало следующую картину. Цензовую промышленность страны, за пределами которой находился огромный пласт мелких предприятий кустарной и ремесленной промышленности, в 1923/24 хоз. году составляли 9917 заведений (в 1925/26 хоз. году – 10561). Из них: 6695 (6820) государственных, 1278 (1955) кооперативных и 1944 (1786) частных. Частный капитал применялся преимущественно в тех отраслях, которые были «меньше связаны с плановым началом» и продукция которых выходила «непосредственно на широкий потребительский рынок». Это – пищевая отрасль, обработка дерева, металлическая, горная, текстильная, кожевенно-обувная, швейная, бумажная, химическая, полиграфическая, пивоваренная, сахарная, табачная отрасли.

Один из наиболее авторитетных отечественных экономистов А. М. Гинзбург отмечал, что хотя общая сумма частного капитала по приблизительным оценкам составляла в 1926 г. около 835 млн. руб., тогда как в руках государства и кооперации находилось 17 млрд. руб., но его роль в народном хозяйстве «значительно усиливается большей оборачиваемостью, чрезвычайной подвижностью и высокой рентабельностью»[1]. В некоторых случаях частный капитал имел оборачиваемость в четыре раза большую, даже в сравнении с кооперацией[2]. По данным ЦСУ (1925 г.), в 181 тыс. населенных мест (из 360 тыс.) около 1млн. 430 тыс. дворов (из 19 млн.) занимались мелкими сельскими промыслами, а число занятых в промысловых хозяйствах лиц составляло 1,7 млн. человек[3].

---

1 Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. М.– Л., 1927. С. 5–7, 37–43.

2 *Там же.* С. 186. Причину подобного положения популярно объяснил делегат XII съезда партии А. А. Юркин: «Они [капиталисты] прежде всего изготовляют продукцию таким образом, чтобы она шла на рынок... а у нас этого нет, а потому имеется большая заваль на наших складах» // Двенадцатый съезд РКП(б)... С. 390.

3 Частный капитал в народном хозяйстве СССР... С. 110.

Экономические дискуссии 1920-х гг.: план или рынок

Многие элементы плановой доктрины, если опираться на факты, были разработаны в ходе многочисленных дискуссий в среде экономистов социалистического толка и их оппонентов уже в первой трети XX в. В 1920-е гг. споры переросли рамки теоретических дискуссий и перешли в стадию практической проработки различных вариантов планирования в СССР[1], а к 1928 г. Госплан выработал первый пятилетний план развития народного хозяйства, названный «планом построения фундамента социалистической экономики».

Н. Ясный, эксперт в области советской экономики, эмигрировавший из России в годы Гражданской войны, отмечал, что основу оппозиционно настроенных экономистов составляли социалисты (трудовики, эсеры, меньшевики), значительная часть которых была физически устранена или отстранена от активной научной деятельности. Сравнивая расчеты представителя ВСНХ Гинзбурга, представившего в 1927 г. 740-страничный проект, с расчетами целевых показателей развития промышленности и реальными цифрами выполнения заданий первой пятилетки, Ясный писал, что проект Гинзбурга имел неточности, но просчеты в цифрах первой пятилетки были «ужасающими»[2]. Однако срыв заданий первой пятилетки не заставил советское руководство отказаться от управления экономикой на основе пятилетних планов[3].

---

1 В работах Струмилина рассмотрено большинство проектов перспективного планирования (промышленная пятилетка Калинникова, пятилетка Кондратьева, пятилетка ОСВОК и пр.), которые он характеризовал как «буржуазные» или «правооппортунистические» // *Струмилин С. Г.* Первые опыты перспективного планирования. 1930 г. // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1963. Т. 2. На плановом фронте. С. 172–215.

2 Показатель выпуска промышленной продукции в расчете на 1 работника за 1931/1932 гг. в государственном секторе составил отрицательную величину вместо запланированного прироста // *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012. С. 50–51, 204.

3 Считаю необоснованным тезис, впервые высказанный М. Левиным в 1973 г. и поддержанный Ш. Мерлем, о том, что «планирование растворилось в плане» и после 1929 г. «режим окончательно отказался от идеи планового хозяйства» // *Мерль Ш.* Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016/2017. М., 2017. С. 304.

Струмилин о советской плановой системе

Проблемы, лежавшие в основе советской экономики, хорошо иллюстрируют работы известного советского академика С. Г. Струмилина, названного «подлинным пионером» в области теории и практики планирования народного хозяйства СССР. Отмечалось, что уже в 1921 г. Струмилин сформулировал «основные принципы разработки народнохозяйственных планов, не потерявшие своего значения в государственном регулировании экономики в условиях рыночного хозяйства»[1]. Последнее утверждение особенно важно, поскольку в постперестроечные времена немало отечественных экономистов питали иллюзии в отношении возможности использования нэповского опыта в условиях перехода России к рыночным отношениям. Важный факт биографии ученого – на работу в Госплан в 1921 г. Струмилин шел по личной рекомендации Ленина и долгие годы стоял во главе советской экономической науки и практики; он не подвергался репрессиям, как многие ученые – экономисты, несмотря на свое меньшевистское прошлое.

В самом начале изучения проблем планового хозяйства С. Г. Струмилин сформулировал ряд базовых положений, на которые опирался в последующем. Рассмотрим их на примере работы 1921 г.[2] В ней автор отмечал, что «рационализация хозяйства», независимо от того, является ли оно государственным или частным, должна строиться «на основе строгого соответствия между приходной и расходной частью бюджета», равновесие которого возможно лишь при наличии «сбалансированного во всех частях единого плана хозяйства». Для того чтобы план стал реальностью, он также должен обеспечиваться необходимыми ресурсами. Из этих положений Струмилина можно сделать ряд выводов. Во-первых, и частник, и Советское государство управляли и развивали свои хозяйства на основе некоего плана так, чтобы достигнуть баланса

1 *Капустин Е. И.* Теоретик и практик народнохозяйственного планирования. К 125-летию со дня рождения академика С. Г. Струмилина // Экономическая наука современной России. 2003. № 3. С. 153.

2 *Струмилин С. Г.* К хозяйственному плану на 1921/22 г. // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1963. Т. 2. На плановом фронте. С. 15–36.

между прибылью и убытками, но всегда так, чтобы расходы не превысили доходы (иной подход нельзя назвать «рациональным»). Во-вторых, план должен отразить результаты хозяйствования по всем производимым товарам (не имело значения, что для частника в понятие «все товары» входило, например, катание валенок, а для государства – все отрасли промышленности и сельского хозяйства). В-третьих, поскольку для оценки итогов деятельности частник использовал денежный расчет, а на рынке в условиях нэпа он «соседствовал» с государственными предприятиями, последние также должны были использовать деньги, чтобы иметь возможность определять и направлять свою производственную деятельность. Главное отличие двух хозяйствующих субъектов заключалось в следующем: в случае неудачи частник разорялся, тогда как государственное предприятие, даже будучи убыточным, использовало весь объем имеющихся в распоряжении государства ресурсов и продолжало выпускать запланированную продукцию, не находящую сбыта.

Построения Струмилина касались составления *только производственных показателей* в рамках всей страны с последующей их детализацией по районам и отраслям; нужды потребителей интересовали его только с точки зрения обеспечения запланированного производства рабочими руками, включая квалифицированные. Для частника же план, о котором писал Струмилин, был не более чем предварительным эскизом, а потребитель – главным действующим лицом рыночных отношений, потребности которого следовало обеспечить наилучшим образом[1]. Еще раз отметим, предлагаемые экономистом принципы планирования и основанные на них расчеты

1 Л. фон Мизес подчеркивал принципиальное отличие плановой системы от рыночных отношений: «Альтернатива – не "план или не план". Вопрос в том, кто планирует. Должен ли каждый член общества составлять планы для себя или великодушное государство должно составлять планы для всех? Вопрос стоит так: *автономная деятельность каждого индивида против исключительной деятельности государства*, а не так: *автоматизм против сознательной деятельности. Свобода против всемогущества государства* (*курсив везде Мизеса. – В.П.*)» // *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с англ. Челябинск, 2005. С. 634, 684.

не могли учесть важнейших изменений в поведении потребителей: крестьянин мог сократить запашку или расширить ее, что неизбежно сказалось бы и на внутрисемейном потреблении, рабочие после голодных лет военного коммунизма также стремились к переменам, а вот урожай мог меняться в зависимости от самых разных обстоятельств, находящихся вне «компетенции» советского правительства.

Весной 1924 г. С. Г. Струмилин вновь возвратился к проблеме планирования в условиях нэпа. По его мнению, главная задача – «радикальная перестройка и преобразование» всего хозяйства на «новых, социалистических началах». В рыночных условиях «несоциалистические элементы» должны быть преодолены путем «высших форм организации труда и производства» перед «неорганизованной стихией мелких товаропроизводителей». Поскольку 9/10 промышленности являлось государственной, подчеркивал Струмилин, методы прямого планового управления можно применять «наиболее свободно». В соответствии с главной установкой основной задачей было не только развертывание производства на старой технической базе, но и проведение ее *реконструкции*. Для этого следовало создать ряд специальных фондов за счет банковской эмиссии и процентных начислений «непосредственно на заработную плату». Текст работы дышит оптимизмом, ибо, по утверждению Струмилина, в руках государства «денежный рычаг управления народным хозяйством», а также монополия внешней торговли и «вся налоговая система». Итоговый вывод также не оставляет двойного толкования в отношении последующих действий правительства: «Если мы сможем *диктовать* не только оптовые, но и розничные *цены* как производителю, так и массовому *потребителю* (*курсив везде наш.– В.П.*), то задача преодоления стихии нэпа будет разрешена»[1].

В 1957 г., характеризуя централизованную плановую экономику, установившуюся к середине 1930-х гг., Струмилин констатировал, что «советским плановикам приходится скорее опасаться хронического “недопроизводства” (*он берет этот термин*

[1] *Струмилин С. Г.* Плановые проблемы и достижения // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1963. Т. 2. На плановом фронте. С. 133–138.

в кавычки.– В.П.) товаров широкого потребления, чем кризисов перепроизводства», и тут же добавляет, «впрочем, располагая возможностью всегда сманеврировать рычагами отпускных и розничных цен государственной продукции, они в случае нужды могут очень быстро восстановить нарушенное в ту или иную сторону рыночное равновесие между спросом и предложением»[1].

В этой работе Струмилин дал обобщенную характеристику централизованной плановой системы: народнохозяйственные планы охватывают все отрасли труда и направляют все производительные силы страны «к разрешению очередных задач всего общества в целом». В СССР все средства производства принадлежат *одному хозяину* «в лице советского народа», и это составляет основу советской экономики. Без «социалистической собственности на орудия и средства производства» невозможно «народнохозяйственное планирование», чьи главные задачи составляло «обеспечение самостоятельности и независимости нашего народного хозяйства от капиталистического окружения», «всемерное развитие социалистического производства во всех отраслях народного хозяйства», «недопущение диспропорций в народном хозяйстве и накопление государственных резервов в обеспечение надежного решения этой и всех иных текущих задач». «Наши планы,– подчеркивал экономист,– это не планы-прогнозы и не планы-догадки, а *планы-директивы*, которые *обязательны для всех исполнителей* (*курсив наш.– В.П.*) и определяют направление хозяйственного развития всей страны». Хорошо зная практику советского планирования, Струмилин подчеркивал, что настоящее плановое руководство развертывается «лишь после составления плана, после проверки на местах, в ходе осуществления, исправления и уточнения плана»[2]. Эти рассуждения экономиста относились к тому периоду, когда вся экономика страны была огосударствлена, что позволяло правительству монополизировать цены на все товары, обеспечивающие человеческое существование.

[1] *Струмилин С. Г.* Планирование в СССР // *Там же.* Т. 5. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. С. 68.

[2] *Там же.* С. 46–57.

Последняя сталинская дискуссия

Некоторые экономисты считают, что в последние годы жизни Сталин «начал очень серьезные изменения всей социально-экономической системы в направлении ее демократизации, большей социальной направленности экономики»[1]. Если Ханин подразумевает под этим практику ежегодного снижения розничных цен на отдельные виды товаров, начатую Сталиным в 1947 г., то мы уже писали, что она целиком основывалась на ограблении деревни[2].

Представляется, что Сталин не заблуждался относительно наличия у себя теоретических способностей, а потому активно использовал наработки своих политических учителей и оппонентов – Ленина, Бухарина, Преображенского, Троцкого и других. В годы Отечественной войны 1941–1945 гг. он воочию убедился в экономической мощи США, получая по ленд-лизу огромные кредиты и разнообразные виды промышленных изделий и вооружения, многие из которых не производились в нашей стране. Холодная война положила конец союзническим отношениям между двумя странами, тем не менее у Сталина сохранялись некоторые надежды при удобном стечении обстоятельств продолжить экономическое сотрудничество с «капиталистическим миром». Этот благоприятный вариант мог и не реализоваться, поэтому вождь нуждался в экспертной оценке экономической мощи страны и ее потенциала со стороны ученых. Скоро представился удобный случай. Экономическая дискуссия 1952 г., развернутая по инициативе Сталина, в качестве официальной задачи должна была помочь ученым подготовить проект учебника по политэкономии[3]. Отдельные сталинские пометы на материалах экономической дискуссии позволяют судить об истинном отношении вождя к проблеме товарно-денежных

1 *Ханин Г. И.* Экономическая история России в новейшее время. Монография. В 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 1930-х годов – 1987 год. С. 118–119.

2 *Попов В. П.* Сталинское экономическое «чудо» после войны (1946–1953) // Россия в XX веке: реформы и революции. В 2 т. М., 2002. Т. 2. С. 279–280.

3 Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. Документы и материалы. М., 2017.

отношений. Так, по вопросу о товарном законе стоимости в социалистическом обществе было высказано несколько точек зрения и против тезиса о том, что «поскольку при социализме нет противоречия [между частным и общественным трудом], золото или какой-либо другой товар уже не выступают как мера стоимости, т.е. как деньги», на что вождь начертал свое саркастическое «ха-ха-ха». Его понимание этой проблемы отразилось в следующей фразе: «Есть товары – будет и закон стоимости»[1].

Главным итогом дискуссии, на мой взгляд, было осознание Сталиным того факта, что ученые не смогли создать нужную ему, Сталину, теорию политэкономии социализма, что вынуждало его как и прежде полагаться на свой здравый смысл и продолжать довоенный экономический курс. Обращение к ленинской идее 1921–1922 гг. о замене денежного обращения «прямым, непосредственным продуктообменом» было дополнено им предложением о постепенном переходе страны к прямому распределению по потребностям. С этой целью Сталин поручил продумать вопрос о создании «общенародного хозяйственного органа, учитывающего продукцию города и деревни», но предупредил, что «это долгий путь и не следует торопиться»[2]. При этом никто не задумался о том, во что обошлась бы государству реализация подобной затеи, какое количество чиновников и контролеров понадобилось бы для функционирования гигантского управленческого ведомства, какой размах приобрела бы коррупция и воровство в его «тени». Если Ленин мечтал о «единой фабрике», то преемник – о «едином амбаре», ключи от которого хранил бы у себя. Представляется, что Сталин не исключал для себя возможности ограничивать не только действия людей, но и менять экономические законы.

Денежный расчет и налоги

Проблема ценообразования была для советской плановой системы одной из наиболее трудноразрешимых, от нее во многом зависело бескризисное развитие народного хозяйства. Для 1918–1920 гг.

1 *Там же.* С. 431, 434.

2 АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 1276, Л. 1–17.

было характерно разрушение свободного рынка и стремление государства «заменить товарно-рыночный оборот организованным обменом и распределением продуктов». При этом действовали нормированные (твердые) цены на все виды товаров и «вольные розничные» на базарах и рынках, которые значительно отличались от первых. К осени 1923 г. в сфере оптовой торговли цены определялись в червонцах, в розничной – в совзнаках, что создавало хаос цен. Правительство с помощью эмиссии и кредитной политики пыталось перераспределить народный доход, изымая часть средств из сельского хозяйства и перекачивая их в промышленность. По мнению известного экономиста А. Л. Вайнштейна, к 1925 г. взамен регулирования цен появилось «планирование цены», но плановые цены являлись «существенной частью только планового хозяйства – социалистического или переходного к нему»[1].

На протяжении 1920–1930-х гг. Струмилин яростно критиковал взгляды тех ученых (В. А. Базарова, В. Г. Громана, Н. Д. Кондратьева), которые считали, что «рынок и цены несомненно являются предпосылкой построения плана, хотя бы потому, что в противном случае мы *теряем всякую возможность* (*курсив С. Г. Струмилина.– В.П.*) соизмерения хозяйственных явлений»[2]. Для Струмилина также являлась неприемлемой плановая концепция Громана о том, что «высшим критерием рационального хозяйства является его конкурентоспособность на свободном рынке», «ориентировка на рынок». По Струмилину, в условиях наличия в стране различных конкурирующих между собой социальных укладов и представляющих их классов целью плановых органов является оказание такого воздействия, которое позволит осуществить «перераспределение производительных сил страны в интересах социализма, чтобы толкнуть чашу колеблющихся весов в сторону идеалов пролетариата»[3].

1 *Вайнштейн А. Л.* Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период (1921–1928 гг.) // *Вайнштейн А. Л.* Избранные труды. В 2 кн. М., 2000. Кн. 2. С. 23, 33, 54, 98.

2 Цитата Н. Д. Кондратьева в работе Струмилина // *Струмилин С. Г.* Первые опыты перспективного планирования... С. 179.

3 *Там же.* Т. 2. С. 180.

Переход к системе централизованной плановой экономики нашел отражение и в изменениях налоговой системы, которая лежала в основе построения государственного бюджета. Обратимся к конкретным примерам. Весной 1926 г. правительство, выполняя решение Политбюро, повысило косвенные налоги (акцизные ставки) на ряд товаров широкого спроса (текстильные и табачные изделия, чай, галоши), что тут же вызвало ответную реакцию частного капитала, цены на продукцию сельского хозяйства также повысились. Наркомат торговли в связи с этим отметил, что у городского населения фактический уровень зарплат понизился и таким образом «деревня переложила тяжесть налогов на город... не уменьшив своей покупательной способности»; мало что выиграло и государство, поскольку «поднятие общего уровня цен будет означать увеличение статей расхода, наряду с повышением бюджетных поступлений»[1]. Подобная практика вызвала обострение социальной напряженности, о чем сообщал И. В. Сталину секретарь Нижегородского губернского комитета партии А. А. Жданов[2].

Как уже отмечалось, налоговая система эпохи нэпа позволяла через государственный бюджет изымать ресурсы из частного сектора и перемещать их в общественное производство, увеличивая масштабы и темпы социалистического накопления[3], но это требовало

1 АПРФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 149. Л. 14–15. Как свидетельствуют факты, еще в январе 1922 г. по предложению Ленина, чтобы сбалансировать государственный бюджет и замедлить эмиссию, на Политбюро ЦК было принято «немедленное и энергичное развитие в первую голову косвенного обложения», т. е. была введена акцизная система обложения на товары массового спроса (керосин, соль, сахар, чай и т. п.) // *Там же.* Д. 149. Л. 2–6.

2 Как писал Жданов, в тот момент, когда на предприятиях проводится кампания перезаключения коллективных договоров и партии удалось «убедить рабочих согласиться на сохранение номинальной зарплаты», произошло повышение цен, рост железнодорожных тарифов и квартирной платы; в результате «у рабочих получается представление, что все рассуждения о снижении цен есть пустая болтовня», а главное – «*создание сверхкомплектных политических трудностей невыгодно для партии* (*курсив Сталина.– В.П.*) // АПРФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 149. Л. 16.

3 По мнению Ю. А. Петрова, в царской России перелива капиталов через бюджет из аграрного в индустриальный сектор по источникам «не видно» // *Петров Ю. А.* Налоги и налогоплательщики в России. С. 413–414.

уйму времени и многочисленных согласований среди партийных, государственных, профсоюзных, контрольных, плановых и иных органов, различных комиссий и подкомиссий, число которых быстро росло. С началом выполнения заданий первой пятилетки процедура согласования стала еще более сложной и длительной, последствия произвольного изменения правительством отпускных и (или) розничных цен при огромном наборе показателей пятилетнего плана стали носить труднопредсказуемый характер.

В 1930 г. был введен так называемый «налог с оборота»[1], который, по мнению известного экономиста-эмигранта профессора П. Л. Ковальковского, являлся «косвенным налогом на покупки», который был объявлен «прямым налогом с социалистических предприятий и отнесен к группе доходов социалистического сектора[2]. С этого времени советский бюджет стал носить бездефицитный характер.

1 Постановление ЦИК и СНК СССР «Положение о налоге с оборота предприятий обобществленного сектора» от 2 сентября 1930 г. По положению налогом облагался «оборот по продаже товаров у отраслевых объединений, государственных предприятий, не входивших в объединения, смешанных акционерных обществ и кооперативных организаций». Облагаемым оборотом признавалась «продажная стоимость проданных на сторону товаров собственного изготовления»; ставки налогов устанавливались правительством в процентах к обороту; они носили произвольный характер и регулярно пересматривались в зависимости от финансовых нужд государства. Предприятия – плательщики налога автоматически перечисляли соответствующие суммы в Госбанк «на счет государственного бюджета» // АПРФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 149. Л. 29–30.

2 «Он добровольно, без принуждения уплачивается населением в цене товара, причем никто не знает, сколько стоил бы товар без налога: никаких расходов по взиманию, никаких принудительных взысканий. Это золотой самодействующий источник чистого дохода для государства» // *Ковальковский П. Л.* Бюджет СССР. Историко-критический обзор. Мюнхен, 1956. С. 22–26. Значимость этого вывода подтверждают следующие факты: в 1933 г. налог с оборота составлял 58% всех поступлений в государственный бюджет, в 1940 г. – 58,8%, в 1945 г. – 41%, в 1948 г. – 60,2%, в 1952 г. – 50%. Так, по налогу с оборота за 1946 г. предприятия министерств пищевой и вкусовой промышленности должны были перечислить государству 43% общей суммы налога, предприятия министерства заготовок – 13,2%, предприятия мясной и молочной промышленности – 7,8%, тогда как предприятия нефтяной промышленности лишь 2,6% // РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 1516. Л. 38–39.

Бреттон-Вудская конференция и позиция СССР

В июле 1944 г. СССР принял участие в Бреттон-Вудской валютно-финансовой конференции ООН и появилась реальная возможность участвовать в международном экономическом сотрудничестве. Реакция советского руководства на предложение стать членом Международного валютного фонда (МВФ) была неоднозначной. Члены советской делегации считали целесообразным согласиться с предложением. По их мнению, участие Советского Союза в Фонде должно было поднять престиж страны, оказать благоприятное воздействие на внешнеторговые операции, правительство могло получать своевременную информацию о «проводимых другими странами важнейших мероприятиях в области денежного обращения, валютной политики, внешней торговли, регулирования платежных балансов».

Однако согласие потребовало бы от нашей страны решить следующие вопросы: о выражении паритета рубля в золоте или американских долларах, о первоначальном паритете рубля, который должен быть заявлен при вхождении в Фонд, о продаже и покупке в СССР золота по цене, не превышающей паритета рубля, о золотом и валютном обеспечении эмиссии банковских билетов Госбанка СССР, о золотых и валютных запасах СССР и ряд других[1]. Как по-

1 РГАЭ. Ф. 2324. Оп. 1. Д. 1401. Л. 48–49, 253. В 1914 г. перед Первой мировой войной рубль составлял 100 золотых копеек, в октябре 1917 г. – 37 коп. По декрету ВЦИК РСФСР от 11 ноября 1922 г. червонный рубль был приравнен к довоенному золотому рублю, но в июле 1926 г. «попытка внедрения советских денег за границей была ликвидирована», последовал запрет «вывоза за границу советских денежных знаков и облигаций госзаймов в советской валюте, прекратилась котировка червонца на биржах... [и] расчеты по внешней торговле СССР стали производиться только в иностранной валюте». В 1936 г. «золотое содержание рубля фактически понижалось с 0,774 гр. чистого золота до 0,167 гр. чистого золота... или до 22,8 золотых копеек». Валютная стоимость рубля стала выражаться во французских франках, а с июля 1937 г. – в долларах США. Министр внешней торговли Микоян отмечал «значительное несоответствие курса рубля соотношению уровня цен в СССР и за границей», что отражалось на расчетах по внешней торговле. Продажа экспортных товаров за границей по рыночным ценам вынуждала советское правительство «предоставлять государственные дотации к экспорту», и наоборот, «цены, по которым

лагали эксперты, чтобы валютный паритет страны мог выполнять свое назначение, он должен был быть пересмотрен «в сторону снижения официального курса» и базироваться «либо на соотношении стоимости золота в СССР в рублях по сравнению со стоимостью в США в долларах, либо на соотношении покупательной силы рубля и доллара». По данным экспертов, уровень производительности труда в СССР был в 2–2,5 раза ниже, чем в США, а «стоимость многих товаров в СССР» соответственно выше, и валютный курс, построенный на базе паритета, должен был учитывать эту разницу. Вторая трудность состояла в том, что в СССР индекс цен на средства потребления был значительно выше, чем на средства производства, поэтому, полагали эксперты, если строить научно обоснованные расчеты, то показатель должен был учитывать «средневзвешенный уровень цен всех товаров, включая и средства производства», но это привело бы к искусственному занижению последнего. В случае принятия предложения международных кругов, советское руководство должно было пойти на постепенное, но неизбежное наращивание рыночных элементов в экономике. Предсказать все последствия подобной радикальной смены курса никто не мог, поэтому Сталин отказался от участия СССР в МВФ.

У Советского Союза была более актуальная проблема: как включить в созданный плановый механизм также хозяйства стран «народной демократии», которые до Второй мировой войны имели рыночную экономику. В 1949 г. было решено перевести курс рубля на золотую основу. Правительство считало, что этим можно не только добиться независимости рубля от иностранной валюты, но и «превратить рубль в ведущую валюту других стран, прежде всего стран народной демократии»[1]. В докладе комиссии Политбюро

продавались в СССР закупленные за границей товары, превышали импортную себестоимость этих товаров при переводе инвалюты в рубли», и финансовые органы получали эту разницу в виде «импортных наценок на товары и таможенных пошлин» // Из докладной записки А. И. Микояна «О курсе рубля в иностранной валюте» И. В. Сталину от 18 декабря 1946 г. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 100. Л. 48–60.

1 Однако когда в январе 1949 г. состоялось закрытое совещание представителей правительств «стран народной демократии» (Болгарии, Венгрии,

Сталину отмечалось, что в результате войны покупательная способность французского франка снизилась за 1937–1947 гг. в 12 раз, американского доллара – в два раза, фунта стерлингов – в 2,1 раза, а соотношение покупательной способности рубля по предметам потребления осталось на прежнем уровне «в результате продолжающегося снижения цен». С 1 марта 1950 г. рубль переводился на золотую основу (золотое содержание рубля устанавливалось в 0,222168 грамма чистого золота), покупная цена Госбанка СССР на золото составляла 4 руб. 45 коп. за 1 грамм чистого золота и устанавливался новый курс – 4 руб. за 1 амер. доллар, вместо существующего 5 руб. 30 коп.[1]

Мы привели конкретные примеры того, какие трудности создавала практика принудительного ценообразования в СССР, столкнувшись с рыночными ценами международной торговли. До конца советской истории СССР так и не стал ее равноправным участником. Перевод курса рубля на золотой стандарт ради сохранения хозяйственной автаркии, но уже в рамках социалистической системы, сразу продемонстрировал СССР его действительное место в мировой экономике: покупательная способность рубля по отношению к доллару была по-прежнему значительно ниже и никакие ухищрения ЦСУ не могли в глазах торговых партнеров опровергнуть эту очевидную истину. Золотой стандарт, выступавший как международное средство обмена, в значительной степени ограничивал финансовый произвол государства, решающего большинство экономических проблем с помощью печатного станка. Но и эта мера не достигла поставленных целей, Советский Союз так

Польши, Румынии, СССР и Чехословакии), посвященное «тесному экономическому сотрудничеству», главным стал вопрос об установлении курсов валют этих стран по отношению к рублю // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1072. Л. 26–54. Поэтому и приходилось советскому руководству каждый раз корректировать свою финансовую политику так, чтобы «повышение курса рубля в отношении доллара не привело к потерям для Советского Союза» и стран народной демократии // РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 77. Л. 87–88.

1 АПРФ. Ф. 3. Оп. 39. Д. 101. Л. 2–3. При этом цена золота, по которой оно скупалось у добывающей промышленности и старателей, значительно превышала цену официального курса рубля, поскольку себестоимость добычи золота была значительно выше его паритетной цены.

и остался заложником системы принудительного ценообразования. В декабре 1987 г. Дэвид Рокфеллер-старший во время встречи с президентом М. С. Горбачевым в ответ на его заверения в том, что Советский Союз будет выступать за более свободную торговлю и широкие контакты с капиталистическим миром, спросил, «каковы будут последствия этой политики для рубля... если валюту его страны не принимают в коммерческих операциях вне СССР?»[1]. Ответа по существу поставленного вопроса, естественно, президент дать не мог, как не предполагала его и советская экономика.

Управляемая централизованная плановая экономика

Одна из ключевых проблем любого производства заключается в создании таких организационных форм, при которых управляющий производством нес бы ответственность за результаты своего хозяйственного управления. Возможно ли это при социализме? По мнению Л. фон Мизеса, предприниматель не может успешно управлять общественным производством в силу того, что он «отчужден» от присущей ему роли в хозяйственной жизни, т.е. «перестает быть бизнесменом», и все его знания и опыт ничего более не значат, поскольку из предпринимателя он превращается в обычное должностное лицо (государственного или муниципального уровня), которое действует по приказу сверху. Столь же бесполезны, по его мнению, попытки решить проблему с помощью повышения вознаграждения, за счет «доли в прибылях предприятия», ибо владея лишь небольшой частью собственности предприятия, он «безразличен к убыткам». Остается одно – верить, что «все само устроится как надо»[2]. Приведем несколько примеров, доказывающих, на наш взгляд, правоту этого мнения.

В 1928 г. в печати появилось сообщение о раскрытии заговора «спецов» в Шахтинском районе Донбасса, которых обвинили во «вредительской деятельности» и создании подпольной

1 Антология «мировой закулисы» / Рокфеллер Д., Ротшильд Г. де и др. М., 2017. С. 78–79.

2 *Мизес Л. фон.* Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994. С. 142–143.

организации[1]. Выдающийся металлург В. Е. Грум-Гржимайло выразил открытый протест в форме прошения об отставке с поста председателя научно-технического совета ВСНХ. «Первое и несомненное поражение на промышленном фронте, испытанное большевиками,– писал ученый об этом событии,– не признается ими как поражение принятой ими системы управления промышленностью... Не признавая своей вины, что цены товаров поднимаются, производительность труда не растет, нация не богатеет, даже хлеба не стало, большевики стали искать виноватого в своих поражениях... [и] объявили виновным за поражение на фронте промышленности вредительство всей интеллигенции. Раз всякое деяние специалиста рассматривается с точки зрения прокурора и все техники-специалисты находятся под подозрением, то *паралич административной машины неизбежен* (*курсив наш.– В.П.*)». Поскольку, полагал ученый, «промышленность без риска существовать не может», то специалист из чувства «личной безопасности» не должен принимать никаких решений, чтобы «обеспечивать себя от несения всякой ответственности»[2].

Положение не изменилось и тогда, когда на смену буржуазным пришли советские специалисты, выращенные советской властью и в большинстве своем преданные ей[3]. Однако полученные ими знания и приобретенный на производстве опыт носили *технологический характер* (знание методов и процессов производства) и никак не повышали их хозяйственную самостоятельность в принятии решений, которой они попросту не обладали. Возьмем для примера одного из самых блестящих и даровитых сталинских

1 Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. М., 2011.

2 Источник. 1993. № 3. С. 72–74.

3 Известный экономист Г. И. Ханин, говоря о чистке руководящих и инженерно-технических кадров советской экономики, проведенной «варварским способом» во второй половине 1930-х гг. («малоквалифицированных на более квалифицированные и ответственные»), констатировал, что в результате «резко повысился профессиональный уровень кадров» и «сложилась система строжайшей дисциплины и ответственности руководителей различного уровня... за результаты труда, за выполнение планов» // *Ханин Г. И.* Экономическая история России... Т. 1. С. 14–15, 23.

наркомов В. А. Малышева. Выпускник МВТУ имени Баумана, возглавивший перед войной отрасль тяжелого машиностроения, он до самой смерти работал на ответственных постах в области военной промышленности, где успешно проявил себя умелым организатором. Он оставил дневник, в котором описал главным образом свои встречи со Сталиным (только официально зарегистрированных, таких встреч насчитывалось около 80)[1]. В записях наркома Сталин предстал в образе человека, тщательно заботящегося о своем имидже «рачительного хозяина», умеющего выслушать и принять мнение другого, если оно соответствует его, сталинским намерениям и планам, человека «здравого смысла», не обремененного тягой к теоретическим рассуждениям и обобщениям, не верящего никому на слово и считающего главными средствами управления «контроль» и «учет», но решающим – наказание. В дневниковых записях отражено главное – все решения, от больших и до малых, принимались лично «Верховным». Это не просто военный титул, это то, что отражало существо всеобъемлющих прав и возможностей одного человека, управляющего всей страной. Характерный штрих из дневника – эпизод, когда Малышев сказал Сталину, что «товарищ Мехлис [министр Госконтроля СССР] много директоров уже наказал и *наказывает каждый день, и директора теперь не знают, что можно делать, а чего нельзя*». Интересна и ответная реакция вождя: «Тов. *Сталин засмеялся* (*курсив везде наш.– В.П.*) и говорит, обращаясь к тов. Берия: “Вот теперь у них Мехлис жупелом стал. Но надо навести в этом деле порядок”»[2].

Реализация плановой экономики сразу натолкнулась на непреодолимые трудности, поэтому и в среде партийной верхушки вставал тот же *главный вопрос*: кто будет делить ответственность за результаты хозяйственного управления? Как свидетельствуют многочисленные документы, любой партийный форум, на котором обсуждались вопросы экономики, проходил по сходному сценарию. Кто-либо из высших партийных чиновников (Ленин, Троцкий,

[1] Дневник наркома «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти» // Вестник Архива Президента РФ. 1997. № 5. С. 103–147.
[2] *Там же.* С. 131.

Рыков или Сталин) делал основной доклад, затем открывались прения, по результатам обсуждения принималась соответствующая резолюция. Ее характер напрямую зависел от мнения лидера партии, расстановки конкурирующих между собой групп и выгодности для лидера той или иной конфигурации власти. *Еще раз подчеркнем, все экономические проблемы в советский период всегда решались через призму борьбы за власть.* Мнения оппонентов, даже если они основывались на неопровержимых фактах, в расчет не принимались, если противоречили генеральной линии. Практически всегда политические пристрастия оппонентов неизбежно сворачивали ход обсуждения в сторону поиска «козлов отпущения»; в дело шли любые приемы, вплоть до политических обвинений в адрес противника. После смерти Ленина стало особенно популярным ссылаться на его работы; цитата, удачно подобранная к теме и моменту, становилась одним из главных доказательств правоты собственной точки зрения.

В октябре 1927 г. состоялся партийный пленум, на котором предполагалось рассмотреть два ключевых вопроса: о директивах по пятилетнему плану развития народного хозяйства и о работе в деревне[1]. Главным, как свидетельствует стенограмма пленума, стало не обсуждение важнейшего экономического вопроса, а критика «фракционной работы Троцкого и Зиновьева» (именно этому сюжету было посвящено выступление Сталина), после чего оба «фракционера» были исключены из состава ЦК. Проблемы, поднятые в выступлениях оппонентов официальной линии партии, всерьез никем не обсуждались.

Приведем характерное для отечественных ученых мнение о том, что главная причина неудач советской экономики лежала в области управления. «Многочисленные стратегические и тактические ошибки советского руководства в 50-е годы в области экономики, которые в конце концов привели к ее кризису в 80-е годы, имели один общий корень: политическая система СССР была построена таким образом, что исключала борьбу мнений при выборе

[1] Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М., 2018.

экономической политики и выборе самых компетентных политических лидеров… [но] когда лидеры оказывались достаточно компетентными (как это было со Сталиным), система могла развиваться относительно успешно. Как только лидер оказывался негодным, как это было с его преемниками, система постепенно начинала разваливаться»[1]. Объяснение проблем управления сбоями в самой системе управления представляется логичным, однако *замена* одних «хозяйственников» другими, более умелыми и подготовленными, но действующими в рамках прежней плановой системы и не обладающими правом принятия самостоятельных решений, не являлась, на мой взгляд, главной причиной успехов или неудач нашей экономики. При социализме директор завода или фабрики был не волен распоряжаться ни капиталами своего предприятия, ни полученной прибылью самостоятельно или решать вопрос о закрытии производства или о его расширении[2]. Все эти функции принадлежали государству, точнее его лидеру, который от лица государства руководил и приказывал; все остальные только выполняли его волю.

«Верховный» имел дело с планом, в котором устанавливались самые общие потребности людей (*что* и в *каком количестве* должно быть произведено в стране), но в плане не было сказано, *как* максимально эффективно использовать находящиеся

1 *Ханин Г. И.* Экономическая история России… Т. 1. С. 179–180.

2 То, что было очевидно любому западному обозревателю, составляло предмет ожесточенных споров при проведении одной из самых известных в нашей истории экономических реформ – косыгинской. «Коммунистическая Европа производит эксперимент,– писал английский журнал The Economist в августе 1965 г.– Цель его – выяснить, можно ли быть чуть-чуть капиталистической… Новая эра, в которую вступают эти страны, это *эра удовлетворения потребителя* (*курсив наш.– В.П.*). Что же произойдет с плохими, убыточными заводами, выпускающими никому не нужную продукцию? Капитализм дает на это прямой, хоть и грубый ответ: коммунисты все еще в поисках своего социального сознания». Ему вторит американская деловая газета The Wall Street Journal (30 августа 1965 г.): «Тенденция по-прежнему такова, что директора в своих решениях исходят из того, насколько они нравятся местным партийным руководителям, а не из экономической целесообразности» // Атлас (ТАСС). 1965. № 37. С. 3–9.

в распоряжении государства средства производства, т.е. у составителей государственных планов отсутствовали присущие капитализму возможности на основе рыночных цен проводить денежный расчет всех факторов производства с целью наилучшего использования самых редких из них[1]. Поэтому частные успехи в одной отрасли советской экономики не могли компенсировать провалы в другой и советские планы никогда не выполнялись; всегда существовали производства, которые нуждались в постоянном «подтягивании» до требуемого уровня. И эту проблему не могла решить замена одних управленцев другими.

Об огромных трудностях, связанных с корректировкой плановых заданий и доведением новых показателей до исполнителей свидетельствует, например, такой факт. В ноябре 1949 г. руководство Госплана и ЦСУ СССР довели до сведения Президиума Совета Министров СССР, что «министерства и ведомства не имели утвержденных 5-летних планов и до предприятий доводили проекты пятилетнего плана, не утвержденного правительством. Доведенные министерствами до своих предприятий *задания пятилетнего плана в ходе его выполнения уточнялись и изменялись* (*курсив наш.– В.П.*). Часть министерств не доводила до предприятий заданий пятилетнего плана»[2]. Это была рядовая практика при «компетентном» Сталине, которая сохранилась и при его преемниках потому, что

1 Приведем один характерный пример из многих: в июле 1952 г. Сталину был представлен переработанный комиссией проект директив по составлению пятого пятилетнего плана на 1951–1955 гг. В показатели по промышленности и сельскому хозяйству он внес поправки в сторону увеличения ряда исходных цифр, а в данные о реальной заработной плате – в сторону небольшого уменьшения; им были отвергнуты предложения по строительству метро в Киеве, Баку и Тбилиси, о «повышении качества строительства жилых домов и благоустройстве квартир», «увеличении строительства городских и сельских школ» // АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 148. Л.129–163. Один человек в стране решал, чему быть, а с чем можно и подождать, волевые решения «хозяина» приводили к огромной дополнительной работе тысяч специалистов и лишали смысла само планирование. И тем не менее советское руководство вынуждено было сохранять план как единственный, находящийся в его распоряжении, инструмент для управления экономикой.

2 РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 96. Д. 257. Л. 354–358.

отсутствовал рынок, выравнивающий спрос и потребление быстрее и эффективнее, чем на это был способен план.

Действовать приходилось методом проб и ошибок, что также не страховало от случайностей. Непрерывное изменение внутренних и внешних обстоятельств жизни страны вело к новым ошибкам, нерациональному использованию природных и людских ресурсов. Ни верховному руководителю, ни чиновнику иного ранга разорение от неумелого управления, в отличие от капиталиста, не грозило, его могли только отрешить от должности, что означало лишение всех прав и привилегий. Действовало правило: сколько государственных и советских органов было вовлечено в решение конкретного планового задания, между столькими участниками и разделялась ответственность за результаты хозяйственного управления, но степень ее была разной.

Система потребления в СССР

Современная историографическая традиция при изучении проблемы потребления в СССР основное внимание уделяет анализу иерархии потребления. Отдельные историки полагают, что сталинская экономика представляла некий «симбиоз плана и рынка, преимущественно нелегального» и что проблемы нехватки товаров и дефицита государственного бюджета можно было решить лишь «восстановив материальные стимулы к труду»[1]. Видимо, для придания большей убедительности тезису о «симбиозе», Осокина утверждает, что «личное крестьянское хозяйство развивалось

[1] *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008. С. 13, 231. Я считаю это мнение ошибочным, но его разделяют многие ученые. Приведу прямо противоположное: «Рыночная экономика и социалистическая экономика исключают друг друга. Никакое смешение этих двух систем невозможно... [поэтому] смешанной экономики, частично являющейся капиталистической, а частично – социалистической, не существует. Производство управляется или рынком, или декретами производственного царя или комитета производственных царей» // *Мизес Л. фон.* Человеческая деятельность... С. 244.

в рамках колхозной системы»[1]. На мой взгляд, подобная позиция не учитывает ряд обстоятельств. Во-первых, нельзя смешивать рынок как процесс взаимодействия людей в условиях разделения труда и действия рыночных цен, упорядочивающих всю общественную систему производства и потребления, с колхозным рынком, порожденным плановой системой, на котором колхозы и сельские жители продавали (или обменивали на одежду, обувь и другие потребительские товары промышленного характера) «излишки» своей продукции, которые оставались у них после уплаты всех государственных налогов и выполнения обязательств. Во-вторых, приусадебная земля, выделяемая в личное пользование колхозного двора, хотя и определялась Примерным Уставом сельхозартели 1935 г. как часть «общественных земельных угодий колхозов», таковой по существу не являлась. Положение 19 февраля 1861 г. определяло как раздельный выкуп усадебной оседлости, так и выкуп ее вместе с полевыми угодьями, но советская власть своей фискальной политикой четко разграничивала некогда единое крестьянское хозяйство, отделяя общественное хозяйство колхозов от личных подсобных хозяйств колхозников; последние, по оценке Сталина, определялись как «индивидуальные»[2]. Поэтому, на мой взгляд, формальный подход к проблеме соотношения «общественного» и «частного» малопродуктивен, колхозное право не отражало положения дел в деревне.

Если обратиться к фактам, то выстраивается следующая логическая цепочка: страна строила социализм и проводила индустриализацию, а капиталов не хватало. Изъятие из частного сектора денежных средств с помощью ценовой политики («ножниц цен»),

[1] *Осокина Е. А.* За фасадом «сталинского изобилия»... С. 289.

[2] В мае 1939 г. на пленуме ЦК партии А. А. Андреев констатировал, что приусадебные земли «превращаются в частную собственность отдельных колхозников, а доходы от личного хозяйства во много раз превышают доходы по трудодням» // *Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома»: политика, осуществление, результаты. М., 2006. С. 183–185. Такое понимание проблемы общественного и личного с обеих сторон («верхов» и «низов»), как свидетельствуют документы, сохранялось все годы советской власти.

проводившейся в годы нэпа, приводило к свертыванию торговли и не решало проблему. Тогда создали колхозы, ставшие источником накопления необходимых капиталов, а для получения валюты изъятое из деревни с помощью обязательных государственных поставок зерно продавали за границу. Продавали и то, что должно было идти на потребление самих колхозников, что привело к массовому голоду в стране[1]. Но даже угроза надвигающегося голода не остановила рост экспорта сельхозпродуктов в 1931 г., который осуществлялся в условиях «исключительного падения цен на мировом рынке» (пассивное сальдо внешнеторгового баланса СССР составило в 1931 г. 294,8 млн. руб.). Одновременно рос импорт, и по количеству, и по ценностному выражению (промышленное оборудование, железные и стальные изделия, медь, алюминий, каучук и пр.). Некоторое оживление на ведущих биржах в условиях продолжающегося мирового экономического кризиса советские эксперты связывали с «началом военной конъюнктуры» со стороны Японии и Германии[2]. Таким образом, нехватка собственных капиталов для проведения заявленного курса на индустриализацию стала для правительства достаточным основанием, чтобы продолжить прежнюю неэффективную политику, которая привела к гибели миллионов людей. Советское руководство полагало, что успешное выполнение пятилетних планов станет гарантией бескризисного развития советской экономики, однако оно не учло, а точнее не считало нужным учитывать, что модель развития, направленная на милитаризацию[3], неизбежно вызовет другой, более глубокий и мощный кризис, кризис потребления.

---

1 *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2018.

2 Мировое хозяйство и внешняя торговля СССР в 1931 г. Конъюнктурный сборник за 1931 г. М.– Л., 1932. С. 33, 135–140.

3 Заместитель председателя Госплана СССР И. С. Уншлихт главный недостаток развития советского военно-промышленного комплекса в годы первой пятилетки усматривал в том, что «не удалось достигнуть необходимой милитаризации всей экономики» // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Сб. документов. М., 2008. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932). С. 67.

В работе, посвященной социалистическому способу производства, С. Г. Струмилин утверждал, что социализм «основную задачу производства видит в потреблении общества», а капитализм – «в извлечении максимальной прибыли и личного обогащения частных предпринимателей»[1]. Перенос внимания советских экономистов с производства на потребление объясним, поскольку в 1961 г. была провозглашена новая программа партии с курсом на создание материально-технической базы коммунизма и задачей обеспечения в СССР «самого высокого жизненного уровня по сравнению с любой страной капитализма»[2].

В действительности централизованная плановая система установила собственную шкалу ценностей, в соответствии с которой происходило распределение общественного дохода между людьми. Партийные, советские и государственные руководители, чиновники, высшие военные, чины милиции и государственной безопасности, директора предприятий, привилегированные ученые и отдельные представители творческой интеллигенции (известные художники, писатели, архитекторы, актеры и пр.) располагались на верхних ступеньках этой иерархии; ниже – рабочие, с выделением собственной «аристократии» (стахановцы, ударники), еще ниже – колхозники, вчерашние свободные крестьяне, чей доход также зависел от места на лестнице колхозных «чинов»,– председатель, кладовщик, бухгалтер, бригадир, рядовой колхозник.

Система чутко улавливала сигналы, идущие «сверху», когда определялись льготы, положенные каждому человеку в зависимости от его социального ранга и заслуг. Успех социальной конкуренции за место в иерархии определяли удачные поиски *расположения властей*, в какой бы разнообразной, а подчас и причудливой форме человеческих поступков они не выражались. В мемуарах писателя К. Симонова дано красочное описание заседаний Комиссии по

---

1 *Струмилин С. Г.* Социалистический способ производства // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1964. Т. 5. Проблемы социализма и коммунизма в СССР. С. 18.

2 Программа и Устав КПСС. М., 1964. С. 154.

присуждению Сталинских премий, на которых вождь самолично определял присуждение той или иной степени будущим лауреатам[1].

Советские экономисты считали, что в общественном производстве рабочий одновременно является и *хозяином*, поэтому нет никаких оснований для сдерживания роста заработной платы и производительности труда. В социалистической экономике сочетались моральные и материальные стимулы к труду, но как на практике относились к этим идеям советские руководители? Интересный материал содержится в личном фонде В. М. Молотова, который был убежден, что в социалистическом обществе нет места для товарного производства и денег, поскольку это противоречит интересам самого общества. При сохранении товарно-денежных отношений, считал он, нарушается «социалистический принцип оплаты по труду», т.к. не устранены и сохраняются «значительные расхождения между ценами на товары и фактическими затратами труда на их производство... [что] зачастую отрицательно сказывается на интересах основной массы рабочего класса». Он также отмечал, что «у отдельных лиц» появляется возможность денежных накоплений и это ведет к оживлению «буржуазных тенденций и стремлений к стяжательству, к личной наживе, эксплуататорским поползновениям, поскольку здесь еще длительное время сохраняется неравенство в материальных условиях жизни общества». Хрущевскую политику он считал направленной к «развитию и углублению роли товарно-денежных отношений в СССР». По мнению отставного политика, при Хрущеве был осуществлен «поворот в экономической политике», что противоречило «основным принципам научного социализма»[2]. С этих же позиций

[1] *Симонов К. М.* Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988. Так, за 1918 г. Ленин получил зарплату председателя СНК в 9,7 тыс. рублей и литературные гонорары в сумме 15 тыс. за издание своих сочинений; их многотысячные тиражи устанавливались по решению руководства партии, т.е. самого Ленина.

[2] В личном фонде Молотова сохранилось большое количество записок в ЦК партии, посвященных проблемам экономики, в основном критического характера в отношении хозяйственных реформ 1950–1960-х гг. См., например, тезисы «Об экономических основах социалистического

он критиковал и косыгинскую реформу 1965 г. По существу, им пропагандировалась необходимость жесткой государственной политики по подавлению неравенства в доходах советских людей, что, по его мнению, должно было гарантировать общество от внутренних потрясений.

Автаркия и милитаризация советского народного хозяйства

Хрущев был первым руководителем страны, с именем которого еще при его жизни связывались не только большие достижения, но и большие просчеты. В октябре 1964 г. при отставке Н. С. Хрущева его оппоненты подготовили «жесткий обличительный вариант» доклада (так называемый доклад Полянского), который затем заменили на «более мягкий», чтобы избежать широкого обсуждения на пленуме провалов во внутренней и внешней политике[1]. В вину Хрущеву засчитывалось не только стремление «установить личную диктатуру, поставив себя над партией», но и методы работы («порой и царь не позволял себе того, что позволяет этот человек»). В народном хозяйстве страны отмечались «крупные ошибки», в их числе: снижение темпов валового общественного продукта, национального дохода и производительности труда, невыполнение «многих плановых заданий», включая «мероприятия социального характера». Сельское хозяйство, эта «ахиллесова пята» отечественной экономики, в 1959–1963 гг. постоянно снижало темпы прироста продукции, и правительство вынуждено было выделить 860 тонн золота на закупки зерна за рубежом[2]. Так закончилось «великое

общества и политике партии в области экономики» (правленый автором машинописный экземпляр, без окончания, с указанием датировки «после 1966 г.» // РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1664. Л. 1–23.

[1] «Таковы, товарищи, факты» // Источник. 1998. № 2. С. 101–125.

[2] *Там же.* С. 106, 109, 121. Если учесть, что годовая добыча золота в СССР в 1930–1940-е гг. составляла в среднем 150–170 тонн (*Grebenyuk P. S.* The Gold Factor and Soviet Gold Industry during the Stalin Epoch // Вестник СПбГУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 3. С. 901), то перед нами типичный для советской экономики пример «проедания капитала». Когда при Л. И. Брежневе

десятилетие» хрущевских реформ, в очередной раз продемонстрировавшее реальный потенциал советской экономической модели.

Безусловно, каких-то ошибок можно было избежать, если бы у руля государства находился менее импульсивный и более образованный человек, но нельзя забывать, что именно с легкой руки Сталина после победы в Отечественной войне Советский Союз включился в гонку с США за роль мирового лидера и, не выдержав напряжения, проиграл ее. «Первый звонок» о грядущей катастрофе прозвучал для власти в начале 1960-х гг. – за успехи в космической и ядерной гонке пришлось заплатить высокую цену. Постоянный приоритет производства средств производства (группа «А») перед производством предметов потребления (группа «Б») был закреплен во всех послевоенных пятилетках и отражал установку на первоочередное развитие военно-промышленного комплекса. Это прямо вытекало из того, что в СССР могущество государства составляли не люди, а военная мощь страны; это было целью политического режима и основой экономического устройства советского общества. Идеологическая пропаганда всячески внедряла тезис «об укреплении обороноспособности страны» в сознание советских людей; этот же тезис определял и цели экономической политики. Реальные доходы граждан были делом второстепенным, хотя в средствах массовой информации и партийных документах декларировалось обратное, а чтобы убедить людей и одновременно оправдать высокие военные расходы, использовали нагнетание страха среди населения о «враждебном капиталистическом окружении». В особых случаях власть вновь нажимала на педаль «патриотизма».

Следствием подобной политики было стремление к хозяйственной автаркии, что делало невозможным экономическую интеграцию с другими странами, определяло низкий уровень производительности труда[1], отвлечение капиталов и ресурсов в во-

в неэффективное сельское хозяйство страны стали вкладывать огромные средства, это означало, по выражению одного колхозного бухгалтера, что в СССР «стали выращивать золотой хлеб». Точнее сказать трудно.

[1] Г.И. Ханин отмечает, что «производительность труда в советской военной промышленности в 1943 году оказалась выше, чем в Германии

енное производство и, как конечный результат, давало бедность вместо богатства. Идеалом советской экономики всегда была самодостаточность, потому что только в этих условиях власть могла бесконтрольно распоряжаться «общенародной собственностью», осуществлять произвольное (по любому капризу лидера страны) планирование производства и потребления, назначать «виноватых» и не отвечать за результаты своего хозяйствования перед населением. Неисчислимые природные ресурсы позволяли ей развивать экспорт сырья для получения валюты, а экспорт промышленных товаров никогда не играл в нашей экономической истории никакой сколько-нибудь значимой роли (за исключением продажи военной техники в послевоенный период во многие страны мира, что тоже весьма показательно для характеристики советской экономики). Еще один важный аспект автаркии – складывание устойчивых *групп интересов* в правящей верхушке[1], для которой увеличение личного дохода ее членов – главная и единственная цель. Сконцентрировавшись в различных сегментах управленческой структуры экономической, политической и идеологической сфер, они «продавливали» свои интересы, невзирая на потребности всего общества.

и Великобритании и уступала только производительности труда в военной промышленности США... [но] качество продукции в СССР было заметно ниже, чем в других странах. Речь идет не о совершенстве отдельных моделей, а о качестве их изготовления на предприятиях» // *Ханин Г. И.* Экономическая история России... Т. 1. С. 49–52. Для корректной оценки при сопоставлении производительности труда в Германии и СССР, на мой взгляд, следовало бы учесть труд миллионов военнопленных, которые при установленном для них нацистским режимом «рационе» питания вряд ли были способны повысить производительность труда даже под угрозой смертной казни.

[1] Кастельс выделяет четыре «крупных группы интересов» в СССР: коммунистических идеологов, властвующую элиту госаппарата, руководителей больших государственных предприятий (ВПК и нефтегазовой отрасли) и представителей «теневой экономики» // *Кастельс М.* Информационная эпоха. М., 2000. С. 477–479. Отдельные историки считают неправомерным употреблять это понятие применительно к советской системе (см., например: *Мерль Ш.* Советская экономика: современные оценки. С. 328), но факты свидетельствуют об обратном.

В истории России войны играли огромную роль, а максимально возможное расширение сферы господства государства ограничивалось только *истощением* финансовой и ресурсной базы. За период с 1946 г. по 1991 г. Советский Союз участвовал в более чем двадцати вооруженных конфликтах и локальных войнах в Европе, Азии, Африке, на Ближнем Востоке и на Кубе. Оказание военной и экономической помощи, включая посылку советников и военных специалистов, а также участие в боевых действиях официальная советская пропаганда объясняла необходимостью оказания помощи странам, ведущим борьбу «за завоевание или сохранение национальной и государственной независимости»[1]. Можно ли утверждать, что хозяйственная автаркия всегда ведет к военным конфликтам? Возьмем для примера участие СССР в Афганской войне. Как показывают современные исследования, «целесообразность ввода советских войск в Афганистан не подтверждается обеспечением стратегических интересов СССР в регионе», также, по мнению И. А. Христофорова, отсутствовали «явные доказательства» реальной «исламской угрозы», «ее масштабности и направленности против СССР»[2]. Другие исследователи отмечают, что обострившееся в 1970-е годы «соперничество сверхдержав» и апробированная Советским Союзом в Венгрии и Чехословакии практика «применения войск как способа поддержания просоветских режимов в Афганистане дала сбой»[3].

В условиях непрерывного ожидания очередной военной угрозы самым логичным «правилом поведения» советского руководства оставалась непоколебимая приверженность государственному

1 Россия и СССР в войнах XX века: книга потерь. М., 2010. С. 551–569.

2 *Христофоров И. А.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 21. По данным Международного института стратегических исследований ООН, за 1983–1987 гг. СССР истратил на военное присутствие: в Афганистане – 2,5 млрд. долл.; Кубе – 6,4; Эфиопии – 3,8; Анголе – 4,9; Вьетнаме – 6,8; Камбодже (Кампучии) – 0,8; Никарагуа – 1,4; Сирии – 9,6 и Северном Йемене – 1,3 млрд. долл. (U. S. News & World Report. Vol. 1988 г.).

3 *Пихоя Р. Г.* Об условиях принятия решения о вводе войск в Афганистан // Российская история. 2020. № 6. С. 32–33.

«учету» и «контролю». Это также служило питательной почвой для того, чтобы у населения сохранялись стойкие взгляды, основанные на уравнительном, «справедливом», по мнению большинства, распределении жизненных тягот среди всех слоев общества. Государственный план представлял общий механизм социалистической системы, который позволял реализовывать единство политического, идеологического, экономического и социального развития страны: *«одна цель ("водворение социализма", как писалось в первой советской Конституции 1918 г.) – одна идеология (марксизм-ленинизм)*[1] *– один план (государственный) – одно общество (советское)»*. Этому способствовали и нравственные императивы, заявленные социалистической идеологией,– «равенство», «братство», «солидарность», «справедливость». Однако ни одно общество не способно существовать в условиях непрерывного напряжения, наступал момент, когда население требовало от правительства улучшения условий жизни.

Итак, большевики начали с того, что своими мерами отсекли от экономического организма России все формы *частного* хозяйства, существовавшие веками. Основные пункты политики, направленной на ликвидацию частной собственности в стране и огосударствление всех форм производства, большевики заявили еще в 1919 г. и затем последовательно шли к достижению поставленных задач. Для реализации своей доктрины они в качестве основного инструмента избрали пятилетний план, который при жесткой централизации власти позволял организовывать производство и потребление, осуществлять масштабные проекты за счет перелива капиталов из одной отрасли в другую и до определенного времени выдерживать военное

1 Отдельные историки возражают против написания этого понятия через дефис, поскольку и «марксизм», и «ленинизм» представляют самостоятельные учения: «Ядром советской идеологии стала совокупность положений и позиций, заимствованных из марксизма, ленинизма, социальной практики периода Октябрьской революции, первого опыта социального преобразования общества» // *Алексеева Г. Д.* Идеологические процессы в России 20–30-х годов XX века // Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4. Однако с позиций идеологической доктрины, которую оставил своим наследникам Ленин и которая получила повсеместное распространение в Советском Союзе, понятие это, на мой взгляд, правомерно рассматривать как единое целое, т. е. как «марксизм-ленинизм».

соперничество с капитализмом. Однако заменив рыночные цены плановыми, правительство утратило возможность рационального ведения народного хозяйства, ибо не могло получать объективную оценку хозяйственных явлений и выбирать наиболее эффективные методы и средства для достижения поставленных целей. В результате производство товаров и услуг в стране никогда не соответствовало нуждам населения, поскольку производство средств производства опережало производство предметов потребления. Низкая эффективность социалистической экономики постепенно вела к замедлению темпов развития производства, и государству становилось все труднее выполнять взятые на себя перед населением социальные гарантии и обязательства (бесплатные образование, медицина, жилье и пр.). Внутри самого общества личный интерес и предпринимательские способности не находили применения, что также снижало возможности плановой системы. Изначально Советский Союз взял курс на создание изолированной хозяйственной системы (автаркии), чем истощал людские и материальные ресурсы страны.

Советская пропаганда уже не могла скрыть очевидное: все годы уровень жизни в Советском Союзе был ниже, чем в промышленно развитых капиталистических странах. Государственный контроль над производством определял и необходимость контроля в других сферах общественной жизни, что было невозможно без применения принудительных мер, но эта тема выходит за рамки нашей работы. Личностный фактор, вопреки укоренившемуся в историографии мнению, не играл сколько-нибудь значимой роли; экономическая модель налагала свои ограничения на любые попытки ее изменить: каждый раз, когда реформы угрожали стабильности политического режима, они сворачивались.

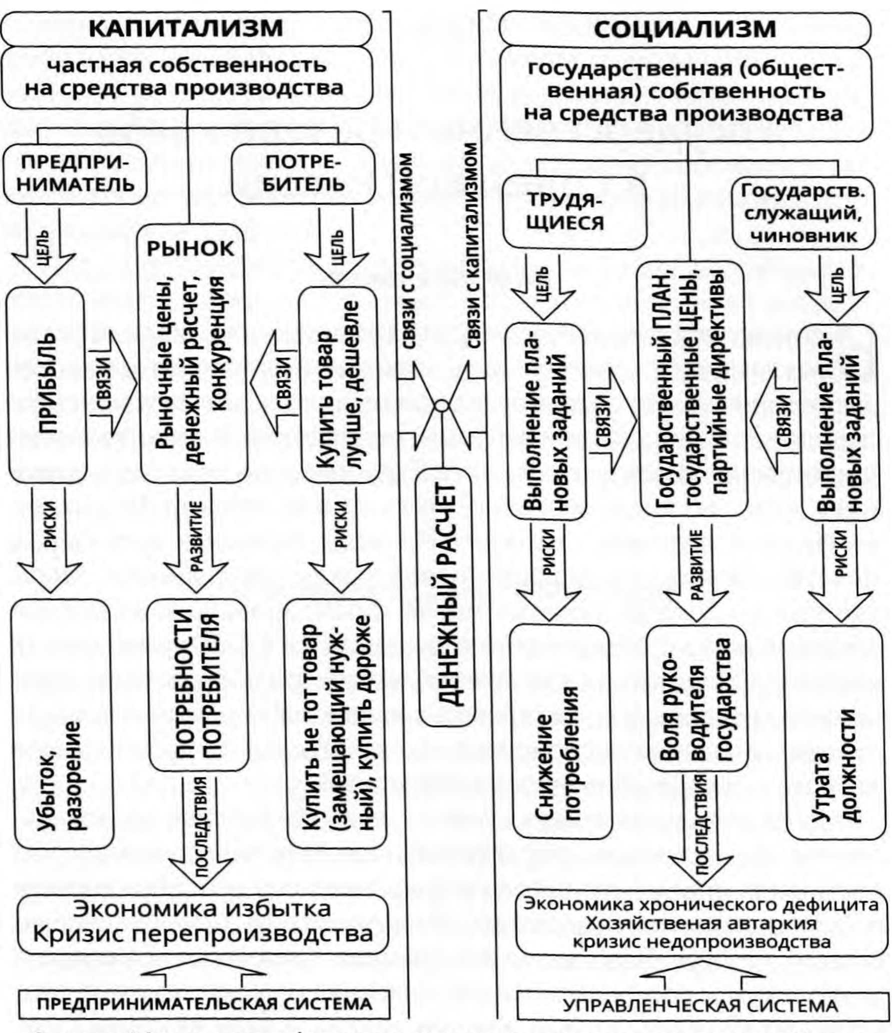

Схема. Механизмы функционирования капиталистической и социалистической систем экономической организации общества[1]

[1] Составлено на основании: *Мизес Л. фон*. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Пер. с англ. Челябинск, 2005; *Мизес Л. фон.* Социализм: экономический и социологический анализ / Пер. с англ. М., 1994; *Корнаи Я.* Размышления о капитализме / Пер. с венг. М., 2012; *Корнаи Я.* Социалистическая система: Политическая экономия коммунизма / Пер. с англ. М., 2000.

Глава 2

Государственный резерв хлеба в Советской России

Актуальность

В дореволюционной России зерно хранилось в закромах. Согласно словарям, старинное слово «закром» означало отгороженное место в амбаре для ссыпки зерна или муки; отсюда советское выражение: «хлеб поступает в закрома государства». В стихотворении дореволюционного поэта Алексея Кольцова с символичным названием «Что ты спишь, мужичок?» есть и такие строки: «На гумне – ни снопа; В закромах – ни зерна; На дворе, по траве – хоть шаром покати». Передано состояние полной нужды крестьянского двора, где только полные закрома могли гарантировать зажиточную жизнь. Как же обстояло дело с закромами в СССР, учитывая то обстоятельство, что с победой колхозного строя организация заготовок и хранения зерна в стране, а главное – последующее распределение запасов осуществлялись уже не отдельным крестьянским двором, а централизованно, государством?

Мы разделяем мнение тех ученых, которые считают колхозную систему не подлежащей реформированию. И не только потому, что в условиях принудительного государственного ценообразования и отсутствия рынка невозможен экономический расчет, не только потому, что при социализме все средства производства национализированы, а распределительная политика государства сводилась к тому, чтобы взять у одних и отдать другим, и даже не потому, что Советское государство во всех своих звеньях представляло царство бюрократии. Колхозная жизнь лишала мужика главного – быть самостоятельным хозяином, ослабляла, а то и вовсе искореняла любовь к земле и крестьянскому труду.

Мне уже приходилось писать на тему государственного резерва хлеба в СССР и приводить сводные табличные данные по стране[1], поэтому при использовании их я не буду приводить дополнительных ссылок. К сожалению, до настоящего времени эта проблема так и не стала предметом специального исторического исследования. А между тем речь идет о хлебе, что для истории России имеет непреходящее значение.

Перед исследователями этой проблемы стоит множество вопросов: является ли государственный резерв хлеба одним из важнейших факторов, влияющих на внутреннюю и внешнюю политику государства, как он формируется, хранится и расходуется, какова величина этого запаса в разные годы, наконец, от каких факторов зависит увеличение или уменьшение резерва. Свои дополнительные вопросы ставит проблема источников, степень изученности темы и ряд других.

Об историографии проблемы

Кратко остановимся на некоторых аспектах историографического характера. В первую очередь назовем фундаментальное исследование выдающегося отечественного экономиста Н. Д. Кондратьева[2]. Изучая рынок хлебов в начале XX в., он выявил следующую закономерность: при низкой товарности крестьянских хозяйств и относительно низких нормах потребления хлебов на душу населения в России (в среднем за 1908–1912 гг. – 23,1 пуда) эти хозяйства играли преобладающую роль в снабжении рынка хлебов, поэтому «всякое изменение условий, влекущее за собой повышение потребления этого населения и понижение товарности крестьянских хозяйств, должно

[1] *Попов В. П.* Роль государства в регулировании рынка сельхозпродуктов в 1917–1940 гг. // Аграрный рынок в историческом развитии. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1996. С. 257–266; *Попов В. П.* Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 24–33; *Попов В. П.* Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 49–66.

[2] *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

вызывать огромную силу инерции в направлении к сокращению количества товарного хлеба и обусловливать кризис хлебного рынка и наоборот». Высокой товарностью, по Кондратьеву, обладали «владельческие хозяйства», чья товарность была значительно выше «товарности крестьянских хлебов», поэтому «резкое потрясение продукции владельческих хозяйств при прочих равных условиях также должно вести к кризису рынка»[1]. Здесь уже заложен ответ на вопрос: что должно было произойти с сельским хозяйством после завершения коллективизации, когда в результате раскулачивания были уничтожены хозяйства, дающие основной товарный хлеб в стране.

В своей монографии Н. Д. Кондратьев пришел к выводу, что регулирование заготовок связано с государственным регулированием цен. Он отметил, что в условиях Первой мировой войны и революции 1917 г. происходили: усиление государственного вмешательства в функционирование хлебного рынка, перестройка продовольственного аппарата, распространение системы твердых цен, создание планов снабжения. Попытки заменить, по его выражению, «стихийные факторы хозяйственной жизни рациональными» в 1916–1917 гг. успеха не имели[2]. В 1918 г. в сборнике «Большевики у власти» он публикует статью, в которой подверг резкой критике продовольственную политику большевиков, считая, что своим переворотом они дали народу не хлеб, как обещали, а «приблизили голод», разрушили то немногое, что было сделано Временным правительством в решении продовольственной проблемы[3].

Мы привели оценку проблемы ученым, и для нас вполне очевидно, что с точки зрения экономической жизни страны резерв нужен для того, чтобы покрыть все риски правительства по своим обязательствам перед населением. Именно из этого положения мы будем исходить при оценке изучаемого явления. Если правительство не может выполнить своих обязательств, оно утрачивает доверие населения и вынуждено пересматривать свои обязательства, изымая

1 *Кондратьев Н. Д.* Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991. С. 94–100.

2 *Там же.* С. 310–312.

3 *Кондратьев Н. Д.* По пути к голоду // *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение. Избранные произведения. В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 88–98.

невыполнимые и оставляя посильные. Понятно, что в подобной ситуации в разные годы советскому правительству приходилось выбирать приоритеты в деле снабжения продовольствием (в том числе хлебом) между отдельными слоями населения – сначала между «трудящимися» и «эксплуататорами», а после ликвидации последних выстраивать новую «иерархию потребления»[1] уже для всех советских людей.

Непредвзятый, научно обоснованный анализ Н. Д. Кондратьевым хлебного рынка, равно как его негативная оценка аграрной политики большевиков не могли пройти мимо внимания советского руководства. В свете сказанного понятно то негодование, которое испытывал В. И. Ленин ко всем отечественным экономистам, ставившим под сомнение созидательную функцию социализма. «Принцип социализма не есть творческий, не к расцвету, а к разложению ведет он экономическую жизнь общества», – утверждал в 1922 г. один из крупнейших экономистов XX в. Б. Д. Бруцкус[2]. «Враги самые беспощадные» – таково было ленинское определение этих ученых[3], чьи фамилии были занесены в список лиц, подлежащих высылке из России[4].

1 Понятие «иерархия потребления», которое отражает специфическую роль распределительного механизма в управлении советским обществом, введено в научный оборот и раскрыто на большом историческом материале Е. А. Осокиной // *Осокина Е. А.* Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993.

2 *Бруцкус Б. Д.* Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999. С. 92. Еще в январе 1919 г. историк Н. А. Рожков, близко знавший Ленина по совместной партийной работе (бывший большевик, перешедший в стан меньшевиков), писал вождю о необходимости смены экономической политики: «Разрешите вполне свободную торговлю. Нельзя в XX веке превращать страну в конгломерат замкнутых местных рынков». Ленин ответил вполне в духе политики военного коммунизма: «Не назад через свободу торговли, а дальше вперед через *улучшение* (*курсив Ленина.– В.П.*) государственной монополии к социализму». Рожков для Ленина оставался «врагом до конца» // *В. И. Ленин.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 267–268, 580.

3 *В. И. Ленин.* Письмо И. В. Сталину. 16 июля 1922 г. // *В. И. Ленин.* Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 544–547.

4 *Там же.* С. 552. Против фамилии Н. Д. Кондратьева помета ГПУ: «возбуждено дело по обвинению в содействии эсерам, высылка временно приостановлена, содержится под стражей».

Н. Д. Кондратьеву и в дальнейшем пришлось испытать неприязнь к своим научным работам со стороны советских вождей, чьи воззрения принципиально расходились с его научными выводами. В разгар коллективизации, когда Сталин испытывал сильную обеспокоенность за свою политическую карьеру, не доверяя даже многим своим сторонникам, он писал В. М. Молотову: «Я думаю, что следствие по делу Кондратьева – Громана – Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бухарин, Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять»[1].

Картину можно дополнить следующей зарисовкой из переписки М. И. Калинина и И. В. Сталина на заседании Политбюро 20 марта 1929 г.:

«Защищаешь кулака [*написано т. Сталиным*].

Не кулака, а трудового крестьянина [*написано т. Калининым*].

А про бедноту забыл? А русских крестьян потерял? [*написано т. Сталиным*].

Середняки именно русские, а инородцы?! Бедняки [*написано т. Калининым*].

Ты нынче башкирский президент, а не русский [*написано и подчеркнуто т. Сталиным*].

Это не аргумент, а ругательство [*написано т. Калининым*]»[2].

Здесь – обоюдное лицемерие. Сталин своеобразным образом прощупывал реакцию Калинина на коллективизацию, учитывая его крестьянское происхождение и подозревая его в связях с Н. Д. Кондратьевым (документально подтвержденный факт), а Калинин, соболезнуя русскому мужику на словах, на деле

[1] Письмо И. В. Сталина В. М. Молотову. Не ранее 6 августа 1930 г. // Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. документов. М., 1996. С. 194. Сталинское пожелание «расстрелять» было реализовано в отношении ученого 17 сентября 1938 г., после семи лет его заключения в Суздальском политизоляторе.

[2] АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 22.

полностью одобрял сталинскую политику. Интересен и психологический аспект. Из документа понятно, что оба фарисея прекрасно понимали сложившуюся ситуацию и каждый исполнял свою роль, но в главном – поступках – оба были едины, а «русский мужик» был даже не предметом обсуждения между творцами коллективизации, а просто фигурой речи.

Что касается продовольственной политики большевиков, то в ее основе лежали не суждения экономического характера, а узкоклассовый подход к решению продовольственной проблемы. В качестве красноречивого примера сошлемся на один из первых советских декретов по рассматриваемой проблеме[1]. В нем причины начавшегося в стране голода объясняются не только последствиями войны и развалом продовольственного дела, но также позицией «деревенских кулаков и богатеев», поэтому всех владельцев хлеба, имеющих излишки хлеба и не сдающих их государству по установленным самим правительством произвольным нормам, советская власть объявила «врагами народа». Летом 1918 г. В. И. Ленин призывал рабочий класс организовать великий «крестовый поход» против кулаков; он также считал заслугой своей партии, что она «сверху» внесла гражданскую войну в деревню, расколола крестьянство, чтобы в лице беднейшего крестьянства получить опору против деревенской буржуазии[2]. Поэтому основной конфликт между советской властью и крестьянством был не по вопросам землепользования или производства (Декрет о земле решил первый вопрос, а по второму крестьяне не нуждались в советах со стороны), а по вопросу распределения произведенной продукции. Все крестьянские восстания периода Гражданской войны имеют основными причинами продразверстку и запрет свободной торговли хлебом.

[1] Декрет ВЦИК и СНК о чрезвычайных полномочиях народного комиссара по продовольствию. 13 мая 1918 г. // Декреты советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 261–264.

[2] *Ленин В. И.* О голоде (письмо к питерским рабочим) // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 359–364; *Ленин В. И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // *Там же.* Т. 37. С. 309–315; *Ленин В. И.* I конгресс Коммунистического интернационала // *Там же.* Т. 37. С. 508–509.

Многочисленные факты и не менее многочисленные исследования, основанные на них, свидетельствуют о том, что внутренний российский хлебный рынок был разрушен не столько Гражданской войной, сколько политикой военного коммунизма. Реквизиции, проводимые белыми среди деревенского населения, при всей их жестокости и масштабах по своему характеру принципиально отличались от политики продразверстки и монополии внешней торговли, введенной большевиками. Белые правительства не выступали за отмену частной собственности на землю и экспроприацию буржуазии, за превращение средств производства в собственность государства, за национализацию частных коммерческих банков и за другие столь же радикальные меры[1]. В результате подобной политики произошло то, что некоторые историки назвали «архаизацией» экономической жизни,– рынок и привычные хозяйственные связи были разрушены, прекратилось поступление государственных доходов и налогов, национализированная промышленность почти не развивалась, а в сельском хозяйстве соха, цеп, серп и коса для миллионов крестьянских хозяйств оставались основным сельскохозяйственным инвентарем.

Известно, что аграрные программы В. И. Ленина и его отношение к крестьянству менялись в зависимости от исторической ситуации в России[2], но одно оставалось неизменным: революция – это демиург нового социалистического мира, и, как писал В. И. Ленин, для пролетарской партии в ходе революционных преобразований «особенно важно настаивать на необходимости *увеличить* производство съестных продуктов для солдат на фронте и для городов, на абсолютной недопустимости какого бы то ни было ущерба или порчи скота, орудий, машин, построек и пр. и пр.»[3]. Поскольку

[1] Программа Российской коммунистической партии большевиков. Принята VIII съездом РКП(б). Март 1919 г. // ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 2 ч. М., 1940. Ч. 1. С. 281–295.

[2] *Шанин Т.* Четыре с половиной аграрных программы В. И. Ленина // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015. С. 659–693.

[3] *Ленин В. И.* Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии). 28 мая 1917 г. // Аграрная политика советской власти (1917–1918). Документы и материалы. М., 1954. С. 56.

революция – это всегда война, постольку экономика страны должна была носить характер военного хозяйства, и наличие в руках государства хлебного резерва – это необходимое условие и залог будущей победы. Особенно значимо данный фактор проявился в годы Отечественной войны 1941–1945 гг., на что мы укажем ниже. Именно это стало главной особенностью заготовительной и распределительной политики Советского государства в сфере аграрных отношений.

Уже начальный этап социалистического строительства в России в эпоху военного коммунизма показал важную составляющую природы вновь возводимого общественного устройства – отсутствие какой-либо связи между экономикой производства и распределением. Нам важно подчеркнуть это для понимания всей последующей картины.

Отмеченная особенность, пусть и не в научных терминах, прекрасно понималась крестьянством изначально, когда от деклараций о хлебе и мире большевики перешли к конкретным делам. По мнению известного историка – аграрника Т. Шанина, «доминирующим конфликтом в годы революции и Гражданской войны... продолжал оставаться именно *конфликт крестьянства, с одной стороны, и правительственных структур, и подразделений – с другой, а не внутренний конфликт в крестьянской деревне* (*курсив наш.– В.П.*)»[1].

Гражданская война дала большевикам неоценимый опыт и ясное понимание того, что без резервов войну выиграть нельзя. С этого времени власть начинает активно заниматься проблемой создания государственного резерва хлеба[2]. Невозможность решить эту проблему в рамках нэпа, когда еще сохраняли свою силу крестьянские хозяйства, дававшие товарный хлеб, была, по нашему

[1] Современное крестьяноведение и аграрная история России / Под ред. В. В. Бабашкина. М., 2015. С. 717.

[2] Об остроте проблемы со снабжением армии свидетельствует выступление наркома по военным и морским делам СССР К. Е. Ворошилова на заседании комиссии обороны при Политбюро ЦК ВКП(б) 2 октября 1926 г., считавшего необходимым «прежде всего улучшить питание красноармейцев» // Вестник Архива Президента РФ. Красная армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 141.

мнению, одной из важнейших причин насильственной коллективизации. Подчеркнем, «одной из», но далеко не единственной[1].

Споры о коллективизации

В настоящее время происходит пересмотр многих прежних оценок коллективизации, всего теоретического багажа по этой проблеме, включая достижения советских ученых. На наш взгляд, с повестки не снят вопрос о ее предпосылках. Для нашей темы ответ на этот вопрос важен прежде всего потому, что если предпосылки были, то выбор дальнейшего пути развития деревни, с точки зрения экономической, должен был определяться самим сельским населением по принципу: кто больше дает стране товарного хлеба, тот и прав (в экономическом, конечно, смысле)[2]. Если же предпосылок не было, то, значит, было обычное, характерное для эпохи военного коммунизма внеэкономическое принуждение крестьян, какими бы

1 По мнению известного американского ученого П. Грегори, «коллективизация стала тем институциональным механизмом, с помощью которого осуществлялся контроль над хлебозаготовками. *Если бы крестьяне согласились продавать государству хлеб по тем ценам, по которым оно хотело покупать, не было бы никакой необходимости в коллективизации* (курсив наш. – В.П.)» // *Грегори П.* Политическая экономия сталинизма. М., 2008. С. 57.

2 Именно об этом пытался «докричаться» до советского руководства Н. Д. Кондратьев, когда в июле 1924 г. в сельскохозяйственной секции Госплана СССР выступил с докладом «Основы перспективного плана развития сельского и лесного хозяйства». Его основные предложения сводились к тому, что необходимо сделать «ставку на двусторонний, аграрно-индустриальный тип народного хозяйства», что накопление капиталов для скорейшего переоборудования промышленности «может быть достигнуто легче и быстрее всего на путях развития сельского хозяйства и сельскохозяйственного экспорта», что главное значение в области регулирования рынка имеет «вопрос политики цен» и что в случае, если «ножницы» цен на промышленные и сельскохозяйственные товары – «неблагоприятные для сельского хозяйства, то это значило бы, что цена сельскохозяйственных товаров не обеспечивает расширенного воспроизводства их» // *Кондратьев Н. Д.* Особое мнение: избранные произведения. В 2 кн. М., 1993. Кн. 1. С. 350, 361. Экономист был твердо убежден в одном: «Мы не думаем, что процесс коллективизации может быть осуществлен приказом или пожеланием» // *Там же.* С. 351.

«правильными аргументами» правительство не обставляло свою политику (например, наиболее употребительным в политическом лексиконе тех лет и среди немалого количества современных историков называется фактор военной угрозы).

В ранней работе, посвященной изучению материально-технических предпосылок коллективизации, известный аграрник В. П. Данилов пришел, на первый взгляд, к парадоксальному выводу: «Темпы социальной реконструкции сельского хозяйства намного обгоняли темпы технической реконструкции... [а] устройство социально-экономических отношений в деревне было завершено намного раньше, чем техническая реконструкция сельского хозяйства»[1]. Следовательно, материально-технические предпосылки коллективизации, если называть вещи своими именами, отсутствовали. Несмотря на этот бесспорный вывод, подтвержденный в монографии многочисленными статистическими выкладками, В. П. Данилов в той же работе утверждал (или был вынужден утверждать, учитывая идеологический диктат в советские годы), что среди главных факторов, обусловивших переход партии к политике сплошной коллективизации, важное место «принадлежало несоответствию буржуазных производственных отношений общественному характеру новых производительных сил, которое начало возникать в сельском хозяйстве *накануне* (*курсив наш.– В.П.*) его социалистического преобразования»[2].

По нашему мнению, объективные предпосылки коллективизации, если таковые действительно существовали, еще не отвечали на вопрос: почему вместо бухаринской альтернативы партия предпочла сталинскую модель? Чтобы из абстрактных «материальных производительных сил» создать реальную материально-техническую базу колхозов, требовались капиталы, которыми большевики не располагали. Капиталы имели средние и зажиточные крестьяне («мелкая буржуазия», или «кулачество», по марксистской терминологии), которые их сберегали и вкладывали

1 *Данилов В. П.* Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957. С. 393.

2 *Там же.* С. 398.

в развитие своих хозяйств, а отнюдь не сельский пролетарий, на которого делала ставку советская власть. Таким образом, если стоять на почве фактов, производственные отношения внутри доколхозной деревни являлись не продуктом «материальных производительных сил» (как это продолжают утверждать сторонники марксизма), а наоборот, реальным источником и условием их появления. В. П. Данилов затем скорректировал прежний вывод: «Новая материально-техническая база для сельского хозяйства должна была создаваться в ходе сплошной коллективизации и *после* ее развертывания. *Техническая и социальная реконструкция сельского хозяйства развертывалась одновременно* (*курсив наш.– В.П.*)»[1]. Вопрос о предпосылках, по умолчанию автора, снимался с повестки, и исследовательский акцент смещался на изучение характера коллективизации: «Великий перелом», о котором Сталин объявил в ноябре 1929 г., не имел ничего общего с действительностью социально-экономического развития – ни с якобы огромным ростом производительности труда в промышленности, ни с возникшим будто бы массовым колхозным движением в деревне»[2].

Почему еще столь важна проблема хлебного резерва? Как показывают цифры современных исследователей[3], он был достаточным, чтобы прокормить население страны во время голода и в 1921–1922 гг., и в 1932–1933 гг., и в 1946–1948 гг. Хлебный резерв и голод – взаимосвязанные явления: если правительство располагает необходимым резервом, чтобы накормить население, голода быть не должно. С этой точки зрения оценим следующий факт: во время голода 1921–1922 гг. городское население в поисках пропитания уезжало в деревню, а уже в 1932–1933 гг.

[1] *Данилов В. П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. В 2 ч. М., 2011. Ч. 1. С. 174.

[2] *Там же.* Ч. 2. С. 705.

[3] *Зима В. Ф.* Голод 1921–1922 годов в Советской России: власть и церковь. М., 2015. С. 47–78; *Кондрашин В. В.* Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2008. С. 272–274; *Попов В. П.* Сталинизм в человеческом измерении. Работы разных лет. М., 2016. С. 210–219. Отметим, что и В. Ф. Зима, и В. В. Кондрашин в своих работах специально не рассматривали вопрос о государственном резерве хлеба.

и в 1946–1948 гг. сельское население бежало в город, чтобы не умереть от голода. Деревня перестала быть кормилицей для своих тружеников. Таков социальный итог так называемого модернизационного скачка, осуществленного в эти годы.

В 1932 г. была введена паспортная система, которая фактически не распространялась на большую часть деревенских жителей (паспорта в сельской местности выдавались только в совхозах и на территориях, объявленных «режимными»). Формально при перемене места жительства колхозники могли получить паспорт; фактически эта процедура содержала множество ограничений (основная часть правительственных решений в этой области носила секретный характер и не была известна населению). Колхозы были лишь пунктами прикрепления людей, паспортная система сделала возможным само прикрепление[1]. В апреле 1935 г. в ответ на предложение наркома НКВД СССР Г. Ягоды и прокурора СССР А. Вышинского о «быстрейшей очистке городов от уголовных и деклассированных элементов», Сталин наложил на документе следующую резолюцию: «“Быстрейшая” очистка опасна. Надо очищать постепенно и основательно, без толчков и излишнего административного восторга»[2]. В этих словах виден тот же бесчеловечный подход к людям: индустриализация и коллективизация расширялись, вызывая противодействие населения, поэтому численность «врагов народа» у советской власти росла. Паспортная система, помимо указанных нами целей, помогала властям разделить население страны на «чистых» (город) и «нечистых» (село), т.е. прямо или косвенно определяла судьбу каждого взрослого жителя страны.

В 2016 г. увидел свет сборник документов, посвященный хлебозаготовкам[3]. По моему мнению, в научном отношении эта публика-

[1] Специально по этой проблеме см.: *Попов В. П.* Паспортная система в СССР. 1932–1976 // Социологические исследования. 1995. № 8–9; «Изменения паспортной системы носят принципиально важный характер». Как создавалась и развивалась паспортная система в стране // Источник. 1997. № 6. С. 101–121.

[2] «Изменения паспортной системы носят принципиально важный характер»... С. 109.

[3] «Первая заповедь»: хлебозаготовки в СССР. 1931–1932 / Отв. составитель В. В. Кондрашин.– М., 2016.

ция представляет одно из самых ярких достижений отечественной исторической науки последних трех десятилетий. И по значимости описываемого явления, и по богатству и уникальности источников (преимущественно документов ЦК ВКП(б)). В сборнике с предельной откровенностью показано, как цинично, целенаправленно, изобретательно и неумолимо сталинское руководство проводило политику «воспитания голодом» в отношении восставшей против государственного произвола и грабежа деревни. Никаких случайностей, «отклонений» или нерешительности в этой политике не было: показаны главные инициаторы и активные исполнители этой акции, методы, приемы и способы изъятия хлеба. Сквозь все документы Центра красной нитью проходит выраженная в них установка – «мы были правы». Итогом стала, выражаясь на партийном лексиконе, «победа колхозной и совхозной системы хозяйства над системой единоличного хозяйства», и эта «победа» обошлась стране примерно в 7 млн. жизней людей, умерших от голода.

Хлебный резерв и его связь с коллективизацией

Хотелось бы еще раз подчеркнуть следующее обстоятельство. Закрепив за колхозами землю «в бессрочное пользование, то есть навечно», государство решило не земельный вопрос, который со времен военного коммунизма был второстепенным, а продовольственный. Тем самым колхозы, как производственные коллективы, были прикреплены к земле, а члены их, колхозники,– к колхозным работам. И весь этот заколдованный круг, из которого крестьянину было почти невозможно вырваться, создавался государством с единственной целью – попытаться навсегда решить продовольственный вопрос в стране. При этом экономические интересы крестьян правительство полностью игнорировало. Однако хозяйственная природа мужика не изменилась за века: все, что давало ему выгоду,– было благо, все, что ограничивало его самостоятельность и сокращало производство,– зло. Как он мог отказаться от своих внутренних убеждений и пойти трудиться в колхозы? В отличие от периода осени 1917 г.– лета 1918 г., на рубеже 1920–1930-х гг., после ряда «хлебных стачек», советская

власть уже не заблуждалась в отношении хозяйственных устремлений деревни и накопила достаточно сил и укрепилась, чтобы больше не повторять прежнюю двойную политику заигрывания и принуждения, сделав окончательный выбор в пользу насилия. В этом нас убеждают документы, позволяющие понять существо хлебозаготовительной политики партии.

Как показано в предыдущей главе, при централизованной плановой экономике в области ресурсов многое зависело от того, кто осуществлял контроль и являлся их генеральным распорядителем. Многочисленные архивные документы, характеризующие распределительный механизм в СССР, свидетельствуют, что таким лицом всегда являлся руководитель государства. Среди архивных бумаг И. В. Сталина 1928 г. содержится интересный документ, который мы частично приводим:

«Хлеб

1) Увеличить план загот[овок]
2) Платная гужевая обязанность
3) Гарнцевый сбор
4) Как сделать иммобильное мобильным?

Поставить вопросы НКТорга в П.Б.

1) Накопить в продолжение января–апреля секретный неприкосновенный хлебный фонд в размере 25 мил[лионов] пуд[ов]*
2) Поручить Микояну регулярно докладывать Рыкову о ходе образования этого фонда*

На 1 декабря

1) 77 м[иллионов]. п[пудов]. прод[овольственных]. хлеб[ов]. у загот[овительных]. орг[анизаций].
2) 29 м[иллионов]. п[удов]. прод[овольственный]. хлеб у потреб[ительских]. орг[организаций].

---

106 м[иллионов]. п[удов]»[1].

[1] АПРФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 27. Л. 5–8. В деле имеется сталинский автограф [один лист на бланке ЦК ВКП(б)] и машинописная копия. Пункты 1 и 2, отмеченные звездочкой, в тексте зачеркнуты.

Позволим себе небольшой комментарий к тексту. Во-первых, создание неприкосновенного хлебного фонда в условиях хлебных стачек накануне коллективизации дало бы правительству чувство уверенности при проведении непопулярных мер, определенные гарантии в деле снабжения городского населения и армии. Надо учитывать, что в 1926–1927 гг. производство зерновых, хлебозаготовки и государственные цены на пшеницу несколько понизились в сравнении с предыдущим годом, при этом разрыв между государственными и рыночными ценами несколько увеличился в пользу последних.

Во-вторых, сталинское рассуждение о том, как сделать «иммобильное мобильным», по нашему мнению, свидетельствует об одном: по замыслу вождя в ближайшее время в условиях политической нестабильности следовало заменить существующую в стране непредсказуемость зернового рынка единой государственной хлебозаготовительной системой, т.е. хранившееся у зажиточных крестьян зерно на продажу в ожидании благоприятной конъюнктуры («иммобильное» зерно) следовало принудительно изъять для нужд государства (сделать его «мобильным»). То, что пункт о создании секретного неприкосновенного хлебного фонда Сталиным был зачеркнут, также объяснимо: сначала следовало начать коллективизацию и раскулачивание и, лишь убедившись в том, что оба процесса стали набирать силу, можно было без какой-либо опаски переходить к созданию соответствующего государственного органа.

Создание системы государственных материальных резервов

В октябре 1931 г. был создан Комитет резервов при Совете труда и обороны (СТО), в ведение которого передавались все мобилизационные запасы, хранившиеся на предприятиях, а также мобилизационный и государственный хлебный фонды, ранее находившиеся под управлением наркомата снабжения СССР.

9 октября 1935 г. постановлением Совнаркома СССР «образование и хранение неприкосновенного фонда хлебофуража было возложено на Комитет резервов при СТО»; расходование

неприкосновенного фонда производилось только по решениям союзного правительства[1]. Из ведения Комитета по заготовкам при Совнаркоме СССР изымались и передавались Комитету резервов хлебные городки (так назывались крупные механизированные хранилища зерна и зерновой продукции) и мельничные комбинаты, выстроенные на Амуре, в Дальневосточном, Восточно-Сибирском и Красноярском краях со всеми хлебными запасами, обслуживающим персоналом, инвентарем, оборудованием и хозяйственным имуществом. Страна активно готовилась к предстоящей войне, и в декабре 1937 г. Управление государственных резервов представило в правительство план накопления резервов в 1938 г. Было решено довести резервы хлебофуража до 350 млн. пудов (этот показатель был установлен еще Постановлением правительства в октябре 1935 г.).

Секретные документы советской эпохи публикации не подлежали, поэтому официальные издания документов – законодательные, по внешней политике и обороне, партийные, статистические и многие другие – никогда не давали полного знания не только о фактической стороне дела, но и о механизме принятия решений во всех звеньях государственного управления[2]. Таким образом, важнейшие материалы, отражавшие действительную картину событий, оказались для ученых недоступными. Сложность изучения нашей темы заключается еще и в том, что ряд министерств, ведомств и организаций СССР (в том числе Комитет резервов и все его правопреемники) наделялись правом государственного хранения документов, т.е. держали их у себя и не сдавали на хранение в соответствующий государственный архив[3]. Практически у историков отсутствовала реальная возможность изучать государственный резерв хлеба как отдельную проблему.

1 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 29. Д. 784. Л. 30.

2 *Пихоя Р. Г.* Архивная революция в России двадцать лет спустя // *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016. С. 238–321.

3 По полученной автором информации из Федерального агентства по государственным резервам (письмо Росрезерва от 16.03.2018 г. № 1-047/3073 на имя В. П. Попова), документы учреждений по руководству государственными материальными и продовольственными резервами СССР за 1935–1953 гг. были в 2016 г. переданы на хранение в РГАЭ.

Значительный комплекс документов о деятельности Комитета резервов[1] отложился в фонде Совета народных комиссаров (Совета министров) СССР в виде правительственных постановлений, регулирующих заготовительную политику в стране, по вопросам работы Комитета, докладных записок Комитета и других ведомств (в первую очередь, наркомата заготовок) в адрес правительства о ходе выполнения хлебозаготовок, о состоянии элеваторно-складского хозяйства, о хлебофуражном резерве по районам и в целом по стране, о строительстве зерновых (хлебных) городков, а также зерновых балансов, отчетов, переписки об условиях хранения и кондициях хранящейся хлебной продукции, инвентаризации запасов, дислокации баз и складской емкости, сведений о перевозке продовольственного зерна и подвижном составе, экспорте зерна и иной информации, позволяющей изучать проблему.

Еще один важный комплекс источников отложился в фондах наркомата (министерства) заготовок СССР. Наиболее ценным для нашей темы является так называемый справочник министра, который содержит основные показатели по хлебным операциям за 1913–1949 гг. Среди них: поступление зерновых культур по стране с 1913 г., динамика заготовок зерновых за 1930-е гг. по пятидневкам и месяцам, сведения об отпуске хлеба по целевым назначениям за 1938–1947 гг., динамика наличия зерна, муки и крупы за ряд лет по месяцам, данные о заготовительной сети «Заготзерно» и мукомольных предприятиях, емкости складских помещений, элеваторно-складской емкости и некоторые другие[2].

---

[1] В 1937 г. Комитет резервов при Совете труда и обороны (СТО) был преобразован, при сохранении всех его функций, в Управление государственных резервов при Совете народных комиссаров СССР. В дальнейшем неоднократно переименовывался: с 1946 г. – Министерство государственных продовольственных резервов; в 1948–1951 гг. объединен с Министерством материальных резервов; в 1951–1953 вновь выделен в самостоятельное Главное управление государственных продовольственных резервов при Совете министров СССР.

[2] Первоначально, в 1932 г., был создан специальный общесоюзный орган – Комитет по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при Совете труда и обороны СССР (СТО), с 1933 г. – при Совнаркоме СССР. Комитет осуществлял заготовки через сеть специальных учреждений – «Заготзерно»

Однако документы обоих ведомств обладают одним существенным недостатком: они не содержат упоминаний о том, как была получена та или иная цифра, т.е. в документах не указана методика составления таблиц, не названы первичные документы, которые легли в основу сводных статистических данных. В нашем распоряжении есть лишь перечень форм оперативной отчетности, которые были введены в системе Управления государственных резервов с 1940 г., а также формы таблиц срочных донесений о наличии и движении фонда хлебофуража, отчеты о качественном состоянии хранящейся продукции и пр. Как свидетельствуют материалы ревизий и проверок государственной инспекцией деятельности этих ведомств, имели место далеко не единичные случаи получения недостоверной информации, а иногда и прямых фальсификаций данных, присланных подведомственными учреждениями.

Важный момент для оценки деятельности резервной системы страны – определение круга лиц, получающих секретные оперативные сводки о заготовках и закупках зерновых в стране. Накануне войны это были: И. В. Сталин (председатель Совнаркома СССР), А. А. Андреев (секретарь ЦК ВКП(б)), А. И. Микоян (заместитель председателя Совнаркома СССР), С. Ф. Демидов (заместитель председателя Госплана СССР), В. Н. Старовский (начальник ЦСУ), А. Г. Зверев (нарком финансов СССР), Н. А. Булганин (председатель Госбанка СССР), И. А. Бенедиктов (нарком земледелия СССР), В. А. Донской (нарком заготовок СССР) и его заместитель К. П. Субботин, Зуев (управление делами Совнаркома СССР), Масленников (главный контролер наркомата госконтроля по наркомату заготовок)[1]. Круг лиц, допущенных к сведениям о государственном резерве хлеба, был еще уже; полной информацией обладал лишь начальник Главного управления государственных резервов

и др. В 1938 г. он был преобразован в наркомат заготовок и, в отличие от своего предшественника – Комитета, ведал не только заготовкой, но и хранением, руководил сбором и регулированием сбыта сельхозпродукции. Отношения между Управлением государственных резервов и наркоматом заготовок носили характер острого ведомственного соперничества, не всегда идущего на пользу делу. РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 1–368.

[1] РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 131. Л. 15–21.

при Совнаркоме СССР М. В. Данченко и несколько человек из отдела учета и отчетности центрального аппарата. Список адресатов – И. В. Сталин, В. М. Молотов, А. И. Микоян, нарком заготовок.

Как известно, начинался сельскохозяйственный год 1 июля с началом сбора урожая и заканчивался 30 июня следующего года. Информация о наличии хлеба по месяцам позволяла государственным ведомствам контролировать не только поступление, но и расход. Сведения на 1 января, как правило, характеризовались наивысшим показателем, а данные на 1 июля – наименьшим. Во втором полугодии складская емкость загружалась за счет приема зерна от хлебосдатчиков, а в первом полугодии освобождалась, по мере возможности, для проведения ремонта и подготовки ее к приему нового урожая. Одновременно происходил прием и отгрузка хлеба, хранящегося на глубинных пунктах «Заготзерна» (так назывались временные хранилища). По действующим нормативам зерно государственного резерва должно было обладать наивысшими кондициями: быть сухим и чистым, с определенным содержанием клейковины, не зараженным амбарными вредителями и не иметь посторонних запахов. Как правило, зерно хранилось в течение 5–6 лет, мука и крупа – в течение 2–3 лет, после чего возникала необходимость в их разбронировании для освежения[1]. Условия содержания зерна на основных базах главка и на пунктах наркомата заготовок существенно отличались.

Для более точной оценки сводных данных коротко рассмотрим особенности хранения государственного резерва хлеба на примере военных лет – 1941–1945 гг. Хлебофуражные резервы, по данным М. В. Данченко, хранились: на базах самого главка (в среднем, в размере 30–34% от общего количества госрезерва), на складах наркомата заготовок (50–60%), на глубинных пунктах этого же наркомата как зерно мобилизационных резервов (4–6%); до 2–3% всего запаса числилось в пути, т.е. перебрасывалось по оперативным нуждам с одного пункта на другой, также незначительное

1 В 1936 г. Комитет резервов издал «Временные правила по складированию и хранению зерна и муки на хлебофуражных базах Комитета резервов при СТО».

количество зерна было забронировано на спиртозаводах. Базы главка в первую очередь пополнялись из урожая нового года, а расходовались – в последнюю. Поэтому доля хлебных резервов на базах Главного управления была относительно стабильной, в отличие от показателей резерва, хранящегося на базах наркомата заготовок. Сведения о хранении госрезерва на базах Главного управления в отчетности наркомата заготовок не указывались. В своей отчетности наркомат заготовок вел отдельный учет наличия зерна и зерновой продукции (муки и крупы в переводе на зерно) государственного резерва, хранящегося на складах всех подведомственных ему заготовительных организаций – Всесоюзного объединения «Заготзерно», «Главмуки» и «Главкрупы». При этом данные об этих ресурсах указывались в отчетах тремя показателями: все зерно и зерновая продукция в том числе, показатели, отнесенные к «госрезерву» и отдельно к «коммерческим ресурсам». Анализ этих данных позволяет достаточно полно воссоздать установленный правительством распределительный механизм самого важного ресурса страны.

Закрома Родины: количественные оценки

Интерес представляют данные о размещении хлеба государственного резерва по отдельным районам страны. На 1 января 1941 г., когда предстоящая война с Германией воспринималась советским руководством как наиболее вероятный вариант развития событий в ближайшие полгода (при сохранении постоянной угрозы войны со стороны Японии), резерв распределялся так: Центральный район – 46,6%, Украина, Молдавия и Крым – 13%, Волжский район – 9,6%, Дальний Восток и Забайкалье – 9,5%, Сибирь – 8,5%, Прибалтика и Белоруссия – 7,6%. Неприкосновенный госрезерв составлял 5876 тыс. тонн[1].

В январе 1942 г., в связи с оккупацией немецкой армией значительной территории нашей страны, ситуация с дислокацией резерва кардинально изменилась: главными районами хранения

1 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 5965. Л. 86.

стали Волжский (28% всего запаса) и Центральный (22%) районы, а также Сибирь (18%). Значительно увеличились резервы на Урале, в Камском районе и Казахстане. При этом лишь 45% всего резерва хранилось на базах Главного управления государственных резервов. Неприкосновенный государственный резерв составлял на начало 1942 г. 6327 тыс. тонн, а на 1 января 1943 г. – 7201 тыс. тонн. Как сообщал М. В. Данченко В. М. Молотову, «в течение Отечественной войны выпуск хлебофуража госрезерва для нужд Красной армии и народного хозяйства составил на 1 августа 1943 г. 8670 тыс. тонн, а возврат позаимствованного за этот же период – 8405 тыс. тонн»[1]. В 1941 г. происходила эвакуация хлеба из прифронтовых районов на базы Ярославской, Горьковской, Куйбышевской, Саратовской и других областей, в 1942 г. – из Ростовской, Сталинградской областей и Краснодарского края на базы Закавказья и Центра. Это привело к резкому увеличению среднего пробега вагонов с хлебом более чем в 2,5–3 раза в сравнении с дальностью перевозок в довоенный период.

Для оценки приведенных цифр следует учитывать не только абсолютное снижение в 1941–1942 гг. валовых урожаев в стране и государственных заготовок и закупок зерновых, но и сокращение численности населения, подлежащего государственному снабжению хлебом. За 1940–1942 гг. заготовки и закупки составляли в среднем от 38 до 43% валовых урожаев; при этом валовый урожай 1942 г. составлял 31% от уровня 1940 г., а государственные заготовки и закупки – 34% соответственно. При численности населения СССР на середину 1941 г. примерно в 196,7 млн. человек, к декабрю 1941 г. во временной оккупации оказалось 74 млн. человек, а к ноябрю 1942 г. – около 80 млн. человек. На государственном снабжении хлебом в 1942 г. числился 61 млн., в 1943 г. – 67 млн. человек. Таким образом, неудивительно, что при резком сокращении поступления зерновых в распоряжение государства (в 1940 г. – 2224,9 млн. пудов, в 1941 г. – 1483,4 и в 1942 г. – 764,1 млн. пудов, т.е. на треть к довоенному уровню) государственный резерв превзошел довоенный уровень. Ситуация

1 *Там же.* Оп. 46. Д. 6377. Л. 63.

резко изменилась в 1944 г., когда была освобождена вся территория Советского Союза. Разбронирование хлеба государственного и мобилизационного резервов до 1943 г. производилось частично с одновременным забронированием, а в 1944 г. разбронирование производилось без возврата или с возвратом из новых хлебозаготовок. Поэтому к 1 сентября 1944 г. государственный и мобилизационный резерв хлеба составлял 2121 тыс. тонн, в том числе: на базах Главного управления – 733 тыс. тонн, на складах наркомата заготовок и других ответственных хранителей – 1388 и на глубинных пунктах – 405,8 тыс. тонн[1].

Военные успехи СССР в 1944 г. позволили начать восстановление баз в прежних местах их дислокации. В октябре 1944 г. М. В. Данченко сообщал заместителю председателя Совнаркома СССР Н. А. Вознесенскому, что «создание неприкосновенного государственного хлебного резерва в количестве 8000 тыс. тонн, обеспечивает полугодовую потребность страны при среднемесячном расходе 1300 тыс. тонн». Он также констатировал, что размещение хлеба, как показал опыт войны, «является вполне благоприятным при разрешении оперативных и стратегических вопросов в снабжении хлебом действующих фронтов Красной армии»[2].

Особый интерес представляют сравнительные сведения о наличии хлеба государственного резерва за вторую половину 1940-х гг. (по состоянию на 1 января): 1941 г. – 5876 тыс. тонн, 1946 г. – 10058, 1949 г. – 18773, 1950 г. – 20930, 1951 г. – 21000 тыс. тонн[3]. Увеличение почти в 3,6 раза в сравнении с довоенным уровнем – таков итог сталинской заготовительной политики. Еще одна характерная деталь: в отличие от довоенного периода удельный вес хранения хлеба государственного резерва на собственных базах Министерства государственных продовольственных и материальных резервов СССР снизился за 1940–1949 гг. с 89,5% до 28%, что объяснялось «*резким отставанием строительства новой зерновой емкости министерства от уровня накопления хлеба государственного резерва* (курсив наш. – В.П.)».

1 *Там же.* Оп. 47. Д. 5964. Л. 137, 150.
2 *Там же.* Д. 5965. Л. 92.
3 *Там же.* Оп. 54. Д. 9504. Л. 17–18.

А что за эти же годы происходило с потреблением хлеба населением, которое должно являться главным мерилом и оценкой действующей хлебозапасной системы? Многочисленные исследования свидетельствуют, что 1940-е годы – это голодное, полуголодное и нищенское существование населения страны.

Не будем касаться военных лет («война все спишет»), но в послевоенный период, когда война закончилась, можно было избежать массового голода, судя по приведенным нами цифрам. В условиях засухи и недорода 1946 г. правительство и ЦК партии 7 июля 1947 г. приняли решение: отсрочили до урожая 1948 г. «погашение задолженности колхозов *и крестьянских хозяйств* (*курсив наш.– В.П.*) по хлебозаготовкам за прошлые годы в количестве, не предусмотренном к погашению в государственном плане хлебозаготовок из урожая 1947 г.»[1]. Отсрочили, но не отменили. 6 декабря министр заготовок СССР Б. А. Двинский рапортовал И. В. Сталину, что план государственных заготовок из урожая 1947 г. выполнен на 100,2% и что «государство получило в этом году хлеба столько же, как и в лучшие довоенные годы»[2]. В подтверждение им приводилась справка, цифры из которой мы воспроизводим. Всего заготовлено зерновых культур по СССР (в млн. пудов): в 1935/36 сельскохозяйственном году – 1503,8, в 1936/37–1369,3, в 1937/38–1629,3, в 1938/39–1496,5, в 1939/40–1645,3, в 1940/41–2117,9, в 1941/42–1458,0, в 1942/43–760,0, в 1943/44–656,5, в 1944/45–1278,7, в 1945/46–1190,6, в 1946/47–1031,3, в 1947/48 (на 1 декабря) – 1648,3 млн. пудов.

Государственный резерв хлеба накануне нового урожая (по состоянию на 1 июля каждого года) в 1940-е годы был следующим: в 1940 г.– 4,1 млн. тонн, в 1941 г.– 5,4, в 1942 г.– 7,0, в 1943 г.– 5,6, в 1944 г.– 2,8 (самый низкий показатель за все 40-е годы), в 1945 г.– 8,2, в 1946 г.– 6,1, в 1947 г.– 4,7, в 1948 г.– 10,5, в 1949 г.– 13,9, в 1950 г.– 16,0 млн. тонн[3]. Как же в этих условиях государство планировало потребление хлеба населением? Приведем отрывок

[1] АПРФ. Ф. 3. Оп. 40. Д. 127. Л. 45–50.
[2] *Там же.* Л. 130–131.
[3] *Попов В. П.* Сталинизм в человеческом измерении. Работы разных лет. М., 2016. С. 222.

из донесения уполномоченного Госплана СССР по Омской области начальнику ЦСУ В. Н. Старовскому от 31 августа 1946 г.: «Среднесуточная норма потребления принята для колхозников 400 грамм муки, зерна и крупы в переводе на муку, для рабочих, служащих и единоличников 350 грамм. Исходя из установленных нами ежедневных средних норм годовая душевая потребность выражается по колхозникам в 146 кг, для рабочих, служащих, единоличников в 128 кг»[1]. Далее сообщалось, что большое распространение среди населения получила переработка зерна на ручных жерновах, что частично зерно дробилось в ступах и употреблялось в пищу в немолотом виде. Такое же положение сложилось во многих районах страны. Разве в сложившихся условиях нельзя было накормить хлебом население тем запасом в 6,1 млн. тонн, который находился в распоряжении правительства летом 1946 г.?

Мы рассмотрели создание и использование государственного резерва хлеба в СССР на протяжении длительного периода, подведем некоторые итоги:

Проведенный анализ показал, что государственный резерв хлеба в СССР никогда не рассматривался руководством страны как один из инструментов регулирования экономической жизни; в Советском Союзе экономика всегда подчинялась политике, выступала в роли ее «служанки».

В отличие от царской России, где усиление государственного вмешательства в функционирование хлебного рынка диктовалось условиями Первой мировой войны, советское правительство сразу придало экономике страны характер военного хозяйства, в котором хлеб (и его запасы) выступал как один из решающих факторов будущего государственного строительства не только для военных, но и для мирных лет жизни.

С колхозной системы берет начало создание мощной системы государственного резерва хлеба, при которой производили хлеб крестьяне, а контроль за расходом осуществляло правительство зачастую в своих узкокорыстных целях, прикрытых словами о «построении социализма в СССР». Именно поэтому можно

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1524. Л. 161–167.

с полным основанием утверждать, что в Советском Союзе отсутствовала какая-либо связь между экономикой производства и распределением.

Политика, когда государственный запас хлеба использовался не для первоочередных нужд в целях пропитания населения собственной страны, а обслуживал политические амбиции государства, содержала в себе глубокие внутренние противоречия, поскольку возможности экономической жизни народа не соответствовали политическим притязаниям государства. Рано или поздно это несоответствие должно было привести к глубокому экономическому кризису, преодолеть который не помогла бы никакая резервная система в мире.

Глава 3

Демографические перемены в СССР: война или политика (1940-е – начало 1950-х гг.)

Актуальность

Демографическое развитие Советского Союза в 1940-х – начале 1950-х гг. относится к числу наиболее трудных проблем современной науки, прежде всего в связи с влиянием войн – Советско-финляндской (1939–1940) и Великой Отечественной (1941–1945). Относительно последней самыми важными вопросами для большинства исследователей по-прежнему остаются оценка людских потерь и реальная картина естественного движения населения СССР[1]. Еще в научной литературе 1920-х гг. для описания последствий Первой мировой войны был введен термин «демографиче-

[1] Еще в 1995 г. академик Ю. А. Поляков указал главные направления исследовательского подхода в решении этой проблемы: «Это – потери вооруженных сил; убыль населения в районах, не подвергавшихся оккупации; убыль населения в оккупированных районах; потери мирного населения в зоне боевых действий; потери населения в результате репрессий и депортаций» // Людские потери СССР в период Второй мировой войны. Сб. статей. СПб, 1995. С. 9. Многое в этом направлении сделано, но ряд принципиальных вопросов остается нерешенным. Таков, на мой взгляд, вопрос о соотношении потерь военнослужащих и гражданского населения. В. Н. Земсков, основываясь на материалах Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) и наркомата обороны СССР, вопреки устоявшемуся в нашей литературе мнению о превышении потерь гражданского населения над военными, считал, что «на самом деле прямые людские потери составляли около 16 млн. человек, из них 11,5 млн.– военные и 4,5 млн.– гражданские» // *Земсков В. Н.* Проблемы установления масштаба людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2015. № 2. С. 15. А это значит, что многие демографические показатели должны быть пересчитаны с учетом опубликованных данных.

ская катастрофа»[1]. Помимо войн в это понятие ученые включили различные социальные катаклизмы, в первую очередь политические репрессии и голод, череду катастрофических событий, следовавших одно за другим на протяжении длительного периода[2]. Такой методологический подход представляется мне вполне обоснованным, поскольку позволяет сформулировать главный вопрос: в какой степени война, а в какой политика повлияли на демографическое развитие нашей страны в рассматриваемый период?

В демографической науке для более точного описания соответствующих процессов принято применять как общие, так и повозрастные коэффициенты естественного движения населения. Между тем в архивных фондах хранится масса документов, содержащих показатели, характеризующие общее число соответствующих демографических событий за определенный отрезок времени – рождений, смертей, браков и др. Именно абсолютные цифры – основа большинства справок и иного материала, которым пользовались руководители партии и правительства СССР. Значительная часть этих документов не была опубликована. Цель данного исследования – восполнить такой пробел и получить общие представления о динамике происходивших процессов.

Моя позиция в отношении общей характеристики первых послевоенных лет такова: жестокий или «консервативный» курс Сталина не был продиктован исключительно трудностями периода восстановления страны, необходимостью очередного мобилизационного рывка, чтобы преодолеть разруху и догнать экономически развитые страны. Никакой предопределенности в сохранении довоенного курса во внутренней политике не существовало, слишком велики были потенциал победителей и их желание жить по-новому. Эти доминантные настроения населения Советского Союза находились в резком противоречии с желанием стареющего вождя сохранить свою безграничную власть,

1 См.: *Исупов В. А.* Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

2 Демографическая модернизация России. 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006. С. 399–400.

что и объясняет его внутриполитическую линию[1], повлиявшую на демографическое развитие страны.

Источники по проблеме

Среди исследователей по-прежнему возникают острые споры относительно состояния источниковой базы темы. Долгие годы даже представители местных органов власти практически находились в информационном вакууме[2], а те немногие цифры, что попадали в открытую печать, тщательно цензурировались. Массовое рассекречивание архивных документов, в том числе связанных с демографической историей Советского государства, началось сравнительно недавно – на рубеже 1980–1990-х гг.

В 1940-х – начале 1950-х гг. политическое руководство СССР и главы его важнейших ведомств обладали только теми сведениями о населении, которые регулярно поступали от соответствующих государственных служб. В фондах Совета министров, Госплана, ЦСУ, Минздрава (и органов ЗАГС), МВД СССР хранится огромное количество секретных документов, касающихся естественного движения населения, его миграций, заболеваемости людей, причин их смертности и проч.

Также большой объем справочного материала хранится в личных фондах И. В. Сталина и В. М. Молотова, чья осведомленность о проблеме носила почти абсолютный характер. Среди некоторых демографов существует мнение, что соответствующие научные выкладки исследователей того времени носили «поверхностный

1 *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1953). М., 2002.

2 Например, в августе 1940 г. состоялось закрытое совещание по вопросу «о естественном движении населения» с участием работников Совнаркома СССР, НКВД, Наркомзема, ЦУНХУ, на котором представительница от Челябинской области Казанцева сообщила: «Была сессия, после сессии председатель облисполкома оставил председателей риков [районных исполнительных комитетов], собрали пленум, и я им заявила, что такие-то районы на "черном" месте. Они за головы хватались, говорят: "Мы знаем, что овец гибнет 9%, телят 15%, а то, что 35% ребятишек умирают – не знаем". Я приехала к ним с каким-то откровением» // ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 26. Л. 36–52.

характер», в результате «об истинном положении вещей» руководители государства ничего не знали[1]. Впрочем, не научная ценность получаемых аналитических справок интересовала их в первую очередь, а цифры, отражавшие увеличение показателя естественного прироста населения. Подобное «убаюкивание» (без учета реального положения дел)[2] создавало иллюзию о почти абсолютных возможностях действовавшей модели централизованного планирования экономики для использования трудовых ресурсов страны.

Положительную динамику демографических процессов в послевоенные годы представители статистических органов объясняли не с научной точки зрения, а «улучшением материального уровня жизни населения в СССР» и «успехами советского здравоохранения» (как сообщил Сталину Старовский 15 января 1951 г.)[3]. Видимо, это устраивало и руководителей (могли использовать данные в пропагандистских целях), и статистиков (из-за страха быть репрессированными в случае предоставления иных сведений)[4].

1 Демографическая модернизация России... С. 268.

2 Согласно записке начальника ЦСУ СССР В. Н. Старовского от 13 сентября 1952 г. на имя Л. П. Берия о естественном движении населения СССР и союзных республик за 1940-е гг., все республики, за исключением Украинской ССР и Грузинской ССР, в 1951 г. по сравнению с 1940 г. имели положительный (чистый) прирост населения и снизили смертность (включая детскую). Анализ отрицательных сторон демографического состояния населения страны отсутствовал // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1052. Л. 27–30.

3 АПРФ. Ф. 3. Оп. 56. Д. 17. Л. 168–170.

4 Ученые давно отмечали трудности научного анализа демографических показателей естественного движения населения, поскольку их величины зависят не только от характера демографических явлений, но и «специфики возрастной структуры населения, доли в нем различных возрастных групп» (*Валентей Д. И., Кваша А. Я.* Основы демографии. М., 1989. С. 89). Объясняя проблему, выдающийся демограф М. В. Птуха писал: «Значительное количество мужчин в цветущих возрастах с небольшой мерой смертности и непропорционально малое количество детей (и стариков) искусственно понижают с другими видами населенных мест и искажают, таким образом, истинную картину протекания смертности. Только таблица смертности, построенная на основании гипотезы стационарного населения, дает возможность сделать теоретически безукоризненное заключение о высоте общей смертности в разных видах населенных мест» // *Птуха М. В.* Очерки по статистике населения. М., 1960. С. 313. Однако для 1940-х гг. сведения о половозрастном составе населения СССР, отдельных республик, краев и областей носят крайне ограниченный и отрывочный характер. Сокращение смертности ведет к росту продолжительности жизни, поэтому объективная оценка показателей смертности невозможна без расчета ожидаемой или средней (при рождении) продолжительности предстоящей жизни, т.е. величины, показывающей сколько в среднем проживет группа людей, родившихся в одном году, если смертность в каждой возрастной группе останется на прежнем уровне. В изученных нами материалах федеральных архивов за 1940-е гг. мы не нашли расчетов средней продолжительности жизни, что свидетельствует о том, что эта информация не входила в сферу интересов советских руководителей, а потому являлась запретной темой для ученых.

Оценка профессора Боярского

Однако имелись и серьезные научные разработки советских демографов, например профессора Арона Яковлевича Боярского (1906–1985). Будучи директором Бюро санитарной статистики, в марте 1945 г. он представил наркому здравоохранения СССР Г. А. Митереву анализ демографического развития Советского Союза за 1940–1944 гг. по не оккупированным Германией территориям, а в апреле 1946 г.– сводные данные по СССР и РСФСР за 1941–1945 гг. в сравнении с 1940 г.[1] В первой записке А. Я. Боярский сравнил динамику рождаемости за годы Первой и Второй мировых войн (*таблица 1*).

Боярский скромно назвал свои расчеты «гипотезой, подлежащей исправлению», но для нас важны сам факт сравнительного анализа и вывод автора: «Падение рождаемости в Великой Отечественной войне глубже, но совершенно аналогично Первой мировой войне, оно идет одинаковыми темпами два года, а в третьем году останавливается. Причиной остановки падения является, очевидно, возвращение части мобилизованных после ранений, а также некоторое восстановление уровня рождаемости в семьях, не затронутых мобилизацией»[2] (*таблица 2*).

1 В таблицах 2–4, 6–8, 10–12 приведены сведения из второй записки А. Я. Боярского (входящий № 598/2 с от 17.04.1946 г.) // ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 246. Л. 308–326.

2 К сожалению, военные историки дали показатели уволенных из армии по ранению и болезни в 1941–1945 гг. «без разбивки» по годам, одной цифрой – 3 798,2 тыс. человек (из них 2 576,0 тыс. инвалидов) // Россия и СССР в войнах XX века: книга потерь. М., 2010. С. 217.

Таблица 1
Динамика рождаемости в годы Первой и Второй мировых войн
(данные за 1914 г., 1941 г. = 100%)

Годы	Рождаемость по отношению к году начала войны*	Годы	Рождаемость по отношению к году начала войны**
1914	100	1941	100
1915	82	1942	65
1916	62	1943	35
1917	60	1944	36

Составлено по: ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 245. Л. 22–42.
* Исчислены Боярским по данным переписи 1926 г.; по европейской части СССР в границах 1926 г., без Урала и Северного Кавказа.
** Исчислены Боярским по девяти республикам СССР.

Исходя из данных (по сопоставимой территории) падение рождаемости прекратилось в 1944 г. не только в целом по СССР, но и по РСФСР. Хотя в 1945 г. начался рост рождаемости в сравнении с военными годами, тем не менее этот показатель (по всей территории) составил по СССР около 42% довоенного уровня, по РСФСР – 37%. Боярский отмечал, что изменения рождаемости в городах и селах происходили «одинаково», правда, в первом случае, начавшись «несколько раньше», они носили более выраженный характер (*таблицы 3, 4*).

Динамика рождаемости за 1940–1945 гг.

Итак, 1944 год стал ключевым, так как произошел перелом в динамике рождаемости; данные же по территории СССР – 53% довоенного уровня, РСФСР – 52,6%.

Как видим, в сравнении с городом показатели по селу за 1944 и 1943 гг. различаются не столь значительно. В сельской местности наблюдалось замедление падения рождаемости (при этом внутригодичная динамика, по данным Боярского, указывала на наличие перелома и в селах), а в 1945 г. начался ее рост. Следовательно, город и село в 1945 г. перешли к мирной модели

Таблица 2
Сведения о рождаемости по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг.
(всего; в тыс. человек)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	3 528	3 230	2 032	1 096	1 094	1 402
РСФСР (по сопоставимой территории)	2 654	2 481	1 461	796	818	1 029
СССР (по всей территории)	5 596	–	–	–	–	2 357
РСФСР (по всей территории)	3 644	–	–	–	–	1 344

Таблицы 2–4, 6–8, 10–12 составлены по: ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 246. Л. 308–326. По моему мнению, Боярский пользовался секретными материалами ЦСУ и отдела актов гражданского состояния (ОАГС) МВД СССР, включая показатели 1945 г.

Таблица 3
Сведения о рождаемости по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг.
(в городах; в тыс. человек)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	1 156	1 083	712	444	502	656
РСФСР (по сопоставимой территории)	901	846	524	333	393	525
СССР (по всей территории)	1 873	–	–	–	–	1 000
РСФСР (по всей территории)	1 234	–	–	–	–	650

Таблица 4
Сведения о рождаемости по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг.
(в сельских местностях; в тыс. человек)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	2 372	2 147	1 320	652	592	745
РСФСР (по сопоставимой территории)	1 754	1 635	937	463	424	504
СССР (по всей территории)	3 723	–	–	–	–	1 356
РСФСР (по всей территории)	2 410	–	–	–	–	690

демографического развития. Однако в сельских поселениях падение рождаемости по отношению к довоенному уровню было существенным: по СССР – 36%, РСФСР – 28,6%. Объясняется это тем, что на селе, в отличие от города, практически отсутствовала система бронирования от военной службы (сохранялась лишь для небольшой части руководителей, интеллигенции и механизаторов). При этом на долю РСФСР пришлось наибольшее число мобилизованных[1]. Кроме того, отсутствовало гарантированное продовольственное снабжение подавляющего числа сельского населения, а также сохранялся низкий уровень его медицинского обслуживания.

Подъем рождаемости в 1945–1946 гг. был обусловлен в первую очередь начавшейся демобилизацией воинов из действующей армии. За неполный 1946 г. количество таковых возросло с 2,8 до почти 7 млн. человек (*таблица 5*), большинство которых составляли мужчины трудоспособного возраста, в основном проживавшие в сельской местности. Например, такая картина была характерна для Курской, Орловской областей, Краснодарского края (временно оккупированных), Чкаловской области и Алтайского края (оставшихся в глубоком тылу). В Московской области демобилизованные распределялись между селом и городом с явным перевесом в пользу последнего[2].

При оценке факторов, повлиявших на рождаемость в 1945 и 1946 гг., следует также назвать репатриацию советских граждан, оказавшихся в годы Великой Отечественной войны за пределами своей страны. По данным В. Н. Земскова, к 1 августа 1946 г. «к постоянному, избранному или установленному месту жительства» были направлены 3,3 млн. репатриантов и внутренних перемещенных лиц, в том числе 1,1 млн. мужчин, 1,5 млн. женщин и 706 тыс. детей. По РСФСР подавляющее большинство таких лиц (91,5%) власть перемещала в ранее подвергавшиеся оккупации районы;

1 За годы войны с территории России было призвано 19,2% трудоспособных граждан (с учетом призванных перед войной – 22,2), из каждой республики Закавказья, Средней Азии и Казахстана – более 18, из Белоруссии – 11,7, из Украины – 12,2% // Россия и СССР в войнах XX века... С. 218.

2 ГАРФ. Ф. 5446, Оп. 49. Д. 3741. Л. 15–19, 25–27, 56–60.

Таблица 5

Сведения о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии

Дата	Наименование территории	Количество прибывших демобилизованных			Из них устроено на работу:	
		всего	в том числе:		на предприятия и в учреждения	в колхозы и совхозы
			в города	в сельские поселения		
На 15 ноября 1945 г.:	РСФСР	1 349 889	513 597	836 292	354780	555 016
	СССР	2 195 784	–*	–	494 121	939 195
На 1 января 1946 г.:	РСФСР	2 759 515	1 053 985	1 705 530	761 427	1 122 112
	СССР	4 376 075	–	–	1048011	1 877 563
На 1 сентября 1946 г.:	РСФСР	4 325 014	1 699 882	2 625 132	1 891 857	2 201 014
	СССР	6 993 335	–	–	–	–

Составлено по: ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3741. Л. 15–62; *Попов В. П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12. С. 6–8.

* Отсутствуют данные о количестве прибывших демобилизованных воинов раздельно в города и сельскую местность. Указана только общая численность устроенных на работу по СССР: на 15 ноября 1945 г. она составляла 70,1% всех прибывших, на 1 января 1946 г. – 71,3; на 1 сентября 1946 г. – 93,8%. В целом по стране бóльшая часть демобилизованных возвращалась в села.

всего по республике – 1,6 млн., в том числе 439,5 тыс. мужчин, 688,7 тыс. женщин и 450,4 тыс. детей[1].

1 *Земсков В. Н.* Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М., 2016. С. 176–179, 181.

Динамика смертности за 1940–1945 гг.

Какие же изменения происходили в уровне смертности, на показатели которой большое влияние оказывал возрастной состав населения? 1942 г. являлся рекордным по количеству смертей за военные годы и в целом по стране, и по РСФСР (по сопоставимой территории, *таблица 6*).

В 1942 г. был отмечен самый высокий показатель смертности, в три последующих года он начал снижаться. Если сопоставить данный факт с резким падением рождаемости в 1943–1944 гг. (*таблица 2*), то становится понятно, что одной из главных причин этого являлось уменьшение среди населения числа детей различных возрастов. В 1945 г. снижение данного показателя продолжилось, несмотря на рост рождаемости и, следовательно, увеличение доли детей. Аналогичная картина была характерна и для городов (*таблица 7*).

Несколько иная ситуация складывалась в сельской местности (*таблица 8*): наибольший рост смертности (по сопоставимой территории) наблюдался в 1940 г., хотя и показатели 1942 г. были очень высоки.

При оценке такого сложного явления, как смертность, следует учитывать неполноту регистрации смертных случаев в органах ЗАГС не только в селах, но и в городах[1]. В записке начальника Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ, с 1941 г. – ЦСУ) И. В. Саутина председателю Госплана СССР Н. А. Вознесенскому от 9 октября 1940 г. сообщалось: «По РСФСР

[1] Подробное освещение проблемы недоучета данных о населении см.: *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. П.* Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993; *Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. П.* Демографическая история России. 1927–1959 гг. М., 1998. Высоко оценивая названные исследования, тем не менее отмечу: данные за 1941–1945 гг. рассчитаны методом демографического баланса в целом по СССР («возвращаясь от переписи 1959 г.»); сведений по РСФСР в военный период очень мало; в ряде случаев приводятся общие показатели, т. е. нет информации раздельно по городским и сельским поселениям; во второй книге нет ссылок на архивные легенды (авторы ограничиваются фразой «по данным статистики»); авторы завысили коэффициент недоучета для показателей рождаемости и смертности (включая детскую) применительно к 1940-м гг.

Таблица 6

Сведения о числе умерших по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг. (всего; в тыс. человек)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	2 070	1 955	2 399	1 712	1 377	976
РСФСР (по сопоставимой территории)	1 683	1 549	1 946	1 396	1 106	756
СССР (по всей территории)	3 170	–	–	–	–	1 765
РСФСР (по всей территории)	2 237	–	–	–	–	1 003

Таблица 7

Сведения о числе умерших по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг. (в городах; в тыс. человек)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	745	750	1 108	858	606	421
РСФСР (по сопоставимой территории)	595	595	897	694	490	386
СССР (по всей территории)	1 163	–	–	–	–	658
РСФСР (по всей территории)	804	–	–	–	–	421

Таблица 8

Сведения о числе умерших по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг. (в сельских местностях; в тыс. человек)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	1 325	1 204	1 290	854	771	555
РСФСР (по сопоставимой территории)	1 087	954	1 049	701	617	420
СССР (по всей территории)	2 007	–	–	–	–	1 107
РСФСР (по всей территории)	1 433	–	–	–	–	583

численность детей в возрасте от 0 до 2 лет по текущему учету превышает численность детей по переписи на 100 тыс. человек; можно предполагать, что этот разрыв явился в значительной мере результатом недорегистрации смертей детей в органах ЗАГС и лишь частично вызван неточными показаниями о возрасте детей при переписи». Там же отмечалось, что в 1939 г. в СССР половина всех умерших (1 482 604 из 2 965 208 человек) «имела возраст в момент смерти менее 3-х лет (точнее 2,6 года)»[1].

До начала войны детская смертность в Советском Союзе (*таблица 9*) находилась на высоком уровне (резко поднималась в летние месяцы). В 1940 г. основными причинами этого стали желудочно-кишечные расстройства (36,3% всех умерших детей в возрасте до 1 года), пневмония (25,0), врожденная слабость (14,6), корь (4,4%). С 22 июня 1941 г. по 1942 г. наблюдался рост детской смертности, с 1943 по 1945 гг. ее уровень значительно понизился в результате «значительного уменьшения заболеваемости детей желудочно-кишечными и острыми детскими инфекционными болезнями». Падение рождаемости привело «к уменьшению числа малых детей, уменьшению контакта между ними», был осуществлен комплекс оздоровительных мероприятий (проведение профилактических прививок, широкое применение сульфопрепаратов, работа детских консультаций и молочных кухонь, изоляция и госпитализация больных детей)[2].

Данные для министра здравоохранения Митерева были подготовлены в январе 1945 г. известным демографом Розой Иосифовной Сифман, работавшей в научно-методическом бюро санитарной статистики. В июле–сентябре 1944 г. показатели детской смертности в освобожденных от оккупантов областях – преимущественно

[1] РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 406. Л. 108–113. Значительным был и недоучет миграции населения, поскольку «в городах прописка вновь прибывших граждан налажена значительно лучше, чем выписка», и потому «разность между числом прописавшихся и выписавшихся в городах составила в 1939 г. 2 631,1 тыс. человек» // *Там же*. Л. 112.

[2] Данные взяты из справки, подготовленной для заместителя министра здравоохранения СССР М. Д. Ковригиной 18 ноября 1948 г. // ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 520. Л. 1–4.

Таблица 9

Детская смертность по РСФСР за июль–сентябрь 1940 г., 1944 г. (умерло в возрасте от 0 до 1 года; на 100 родившихся)

Наименование территории		Июль		Август		Сентябрь	
		Годы					
		1940	1944	1940	1944	1940	1944
РСФСР (без освобожденных областей)		28,0	11,6	38,9	14,0	28,4	12,9
13 освобожденных областей		27,0	9,2	26,2	10,7	18,0	9,3
В том числе:	городское население	35,1	13,8	27,7	14,9	16,6	12,2
	сельское население	24,3	7,7	25,6	9,3	18,4	8,5

Составлено по: ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 245. Л. 1–16.

сельской местности южных и юго-западных районов РСФСР – были ниже, чем по основной российской территории. Эти области, по мнению Сифман, и до войны «отличались наиболее низкой детской смертностью в республике». Одной из основных причин уменьшения данного показателя стало снижение рождаемости (сокращение численности и удельного веса детей в общей структуре населения). Чтобы изменить ситуацию, государство должно было осуществить специальные мероприятия по охране материнства и детства[1].

Естественный прирост населения за 1940–1945 гг.

Несмотря на стабилизацию рождаемости и снижение смертности в 1944 г., естественный прирост оставался еще отрицательным

[1] В 1940-х гг. в народное хозяйство страны по-прежнему интенсивно вовлекались женщины в качестве рабочей силы. Голод и нищета этих лет вынуждали людей к хищениям и воровству. Среди осужденных за эти деяния было немало женщин. Это стало одним из важнейших факторов, повлиявших на показатели рождаемости. В 1940–1951 гг. удельный вес женщин, осужденных по приговорам гражданских судов по СССР, вырос с 17,2 до 31,9%; в абсолютных показателях наибольшее количество – 425,2 тыс. человек – пришлось на 1947 г., знаковый для нашей истории. Всего в 1945–1950 гг. более 2 млн. женщин оказалось в лагерях // *Попов В. П.* Сталин и проблемы экономической политики... С. 144–145.

в целом по стране и РСФСР (по сопоставимым территориям), а также в городах и сельских поселениях (*таблицы 10–12*).

По расчетам Боярского в период Первой мировой войны картина в этом отношении была противоположной: положительный естественный прирост сохранялся до 1916 г., а с 1917 г. сменился отрицательным. Таким образом, по своим последствиям масштаб демографической катастрофы в годы Второй мировой войны был для нашей страны более значителен, чем в период Первой мировой.

В 1940–1945 гг. для городов и сельской местности были характерны одинаковые тенденции. Хотя в 1942 г. наблюдался положительный естественный прирост населения по СССР (по сопоставимой территории), но он был незначительным – 30 тыс. человек, т.е. почти не влиял на общую динамику. За последний год войны естественный прирост по всей территории СССР составил в абсолютных цифрах: в городах – 342 тыс. человек, в сельской местности – 250 тыс. (в 1940 г.– соответственно 709 тыс. и 1,7 млн.).

На основе приведенных в таблицах цифр корректные оценки можно сделать только по сопоставимой территории, в остальных случаях, согласно данным отдела актов гражданского состояния Главного управления милиции МВД СССР, ситуация была иной (*таблица 13*). Обращает на себя внимание тот факт, что в Великолукской, Новгородской, Псковской областях, Молдавской, Латвийской и Эстонской союзных республиках смертность превысила рождаемость (почти такая же картина наблюдалась в Карело-Финской ССР). Вместе с тем, значительное количество браков, заключенных в тот период, позволяло надеяться на скорый выход из критической ситуации.

В 1944 г. прекратилась депопуляция населения СССР на территориях, избежавших оккупации, а в 1945 г. начали действовать факторы, характерные для периода мирной жизни (*таблицы 2–12*). Рост рождаемости был вызван не только демобилизацией воинов и репатриацией населения, находившегося за пределами страны, но и некоторыми переменами в репродуктивном поведении женщин (*таблица 14*).

Таблица 10

Сведения о естественном приросте по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг. (всего; в тыс. человек; «+» или «–»)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	+1 458	+1 274	–367	–615	–282	+426
РСФСР (по сопоставимой территории)	+972	+932	–485	–600	–289	+272
СССР (по всей территории)	+2 426	–	–	–	–	+592
РСФСР (по всей территории)	+1 406	–	–	–	–	+337

Таблица 11

Сведения о естественном приросте по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг. (в городах; в тыс. человек; «+» или «–»)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	+ 411	+332	–397	–414	–103	+235
РСФСР (по сопоставимой территории)	+306	+251	–373	–361	–96	+188
СССР (по всей территории)	+709	–	–	–	–	+342
РСФСР (по всей территории)	+430	–	–	–	–	+230

Таблица 12

Сведения о естественном приросте по СССР и РСФСР за 1940–1945 гг. (в сельской местности; в тыс. человек; «+» или «–»)

Наименование территории	Годы					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
СССР (по сопоставимой территории)	+1 047	+942	+30	–203	–179	+191
РСФСР (по сопоставимой территории)	+666	+681	–112	–239	–193	+84
СССР (по всей территории)	+1 717	–	–	–	–	+250
РСФСР (по всей территории)	+976	–	–	–	–	+107

Таблица 13

Сведения о количестве зарегистрированных актов рождаемости, смертности (в том числе детей до 1 года), браках и разводах за 1945 г. в республиках, краях и областях, освобожденных от немецких оккупантов и не вошедших в сопоставимые территории

Наименование территории	1945 г.				
	Рождений всего	Умерших: Всего	Умерших: В т. ч. детей до 1 года	Браков	Разводов
Великолукская обл.	6 614	8 719	532	3 586	5
Ленинградская обл.	60 282	30 534	7 108	39 177	467
Новгородская обл.	9 478	12 125	1 320	3 783	11
Псковская обл.	7 499	12 080	1 085	2 687	11
Ростовская обл.	26 566	17 605	988	16 798	170
Крымская обл.	16 055	9 263	1 077	7 197	103
Белорусская ССР	130 955	79 909	7 736	34 993	60
Карело-Финская ССР	5 804	5 273	641	3 198	32
Латвийская ССР	27 631	32 777	2 769	10 523	219
Литовская ССР	56 866	33 097	4 020	14 510	31
Молдавская ССР	46 972	80 847	13 667	17 783	24
Украинская ССР	422 129	348 269	36 146	177 118	731
Эстонская ССР	15 567	21 188	1 795	6 604	367
ВСЕГО	**832 418**	**691 686**	**78 884**	**337 957**	**2 231**

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1418. Л. 15.

Таблица 14

Количество родившихся у матерей,не состоявших в зарегистрированном браке

Население	Годы						
	1946	1947	1948	1949	1950	1951	1952
Все население: *тыс. чел.*	752	747	665	985	944	930	849
в % к общему числу родившихся	18,7	16,8	15,9	19,5	19,7	18,8	17,2
Городское население: *тыс. чел.*	404	385	292	421	398	387	345
в % к общему числу родившихся	24,7	21,3	18,8	22,2	21,5	19,7	17,2
Сельское население: *тыс. чел.*	348	362	373	564	546	543	504
в % к общему числу родившихся	14,5	13,7	14,1	17,9	18,5	18,2	17,1

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1053. Л. 2.

Матери-одиночки: проблема рождаемости

Таким образом, в городах и селах наблюдался большой удельный вес детей, родившихся вне официального брака. Это объяснялось отсутствием достаточного числа брачных партнеров у женщин. Но не ясно, почему так резко выросли абсолютные цифры в 1949 г., а достигнутый уровень так медленно снижался в три последующих года? Известно, что городская жизнь предоставляла индивиду большую свободу действий и выбора, горожане меньше зависели от институтов социального контроля по сравнению с сельскими жителями. Однако война сильно повлияла на традиционные нормы и правила поведения[1]. Если в 1946 г. вне брака родило 25% горожанок, то на селе – лишь 14,5%. В последующие годы абсолютные цифры и удельный вес таких детей в сельской местности значительно увеличились. Можно предположить, что для женщин, чьи мужья пропали без вести на фронте, дальнейшие ожидания спустя несколько лет после окончания войны утратили смысл, как и надежды на замужество в условиях постоянного оттока мужчин в города. Оставался один выход – рожать детей вне официального брака. В 1945–1950 гг. показатели брачности в СССР и РСФСР, за исключением 1947 г., постоянно росли, правда на селе это было менее заметно (*таблица 16*).

Естественное движение населения в 1946–1950 гг.

Обратимся к анализу показателей естественного движения населения в послевоенные годы (*таблица 16*). В 1946 г. количество рожденных в сравнении с 1945 г. существенно возросло – в 1,5 раза. По СССР этот показатель составил 157,6% (в том числе город – 159, село – 156,7), по РСФСР – 165,8% (соответственно 159,2

[1] В книге не рассматривается сюжет, связанный с такой формой регулирования деторождения, как аборт, запрещенный в СССР законодательно в 1936–1955 гг. Состояние здоровья, тяжелые работы, отсутствие супруга, нехватка материальных средств и другие причины влияли на выбор будущей матери, но в условиях нестабильности, какими были 1940-е гг., действие этих факторов значительно усиливалось.

и 171,6, т.е. наивысший показатель роста). Однако довоенный уровень так и не был достигнут. Также надо учесть, что в данные за 1940 г. по СССР не вошло количество родившихся на вновь присоединенных территориях, поэтому в целом по стране действительная картина послевоенного восстановления рождаемости была менее оптимистичной. В 1947 г. ее темпы в СССР и РСФСР замедлились в сравнении с предшествующим годом, прирост составил 7–10%. В 1948 г. абсолютные цифры рождаемости снизились, но в городах они оказались больше, чем на селе. В 1949 г. последовал незначительный рост этого показателя, в 1950 г.– его очередное снижение.

Чем можно объяснить подобные «качели»? Я считаю, что главным фактором резкого замедления роста рождаемости в стране в послевоенные годы был голод. Его спровоцировала государственная политика, поставившая во главу угла не заботу о людях, а курс на первоочередное развитие промышленности[1]. Многие же исследователи главной причиной голода считают засуху 1946 г. Но она наблюдалась лишь на некоторых территориях, а не повсеместно[2]. Тем не менее, в неохваченных засухой районах рождаемость тоже снизилась.

Пользуясь общими коэффициентами рождаемости по большинству областей, краев и автономных республик РСФСР за 1940, 1946–1948 гг., я выделил группы с высоким, средним и низким уровнем рождаемости. После анализа перемещения каждой административно-территориальной единицы из одной группы в другую[3] выяснилось, что в 1946–1948 гг. везде наблюдались резкие перемещения районов с высокой рождаемостью в группы с более

1 См.: *Попов В. П.* Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6; *Попов В. П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993; *Попов В. П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10.

2 См., например: *Зима В. Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996. С. 18–20, 65–95.

3 См.: *Попов В. П.* Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. № 3–4.

низкими показателями, и эти скачки были характерны для города и села, для территорий, бывших в оккупации и ее избежавших.

В результате голода повысился показатель смертности: в 1947 г. в целом по СССР и РСФСР – в 1,4 раза по сравнению с 1946 г. (*таблица 16*). Как и в довоенные годы, это происходило в значительной степени из-за роста детской смертности в 1946 г. в связи с увеличением рождаемости и по причине низкого уровня медицинского обслуживания. Уже в 1947 г. число умерших детей на первом году жизни по СССР и РСФСР увеличилось в 1,8 раза.

По данным противоэпидемического управления Министерства здравоохранения РСФСР, в 1946 г. в республике умерло от воспаления легких 31,7% от общего числа умерших до 1 года, от острых желудочно-кишечных заболеваний (включая дизентерию) – 26,2, от туберкулеза всех форм – 3,6%. Характерная зарисовка из справки: «Состояние села Тетерина очень низкое. Большая скученность, население частью живет в землянках по две-три семьи, по 10–12 человек в землянке. Территория очень загрязнена фекалиями, большое обилие мух. Колодцы не благоустроены. По селу протекает ручей, в котором стирают белье и берут воду для питья».

В 1946 г. высокая детская смертность сохранялась в Мурманской, Вологодской, Кировской, Ивановской, Тюменской, Архангельской, Костромской, Владимирской, Ярославской, Молотовской (Пермской), Калининской, Смоленской, Тамбовской, Пензенской, Омской, Томской областях, в Удмуртской АССР, Татарской АССР и Марийской АССР, а также в городах республиканского значения – Горьком, Свердловске, Ленинграде и Москве[1]. В 1947 г. данный показатель еще более возрос, в 1948 г.– несколько понизился, в 1949 г.– вновь увеличился. В следующем году произошло его незначительное понижение по сельской местности и некоторый рост – по городам. Такая нестабильность обусловливалась тяжелыми условиями жизни людей и низким уровнем развития советской медицины. Для решения проблем подобного масштаба требовалось поменять приоритеты внутренней политики, но и после 1945 г.

1 ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 323. Л. 1–366.

сохранялась военная модель экономического развития страны[1]. В тот же период наблюдались и колебания показателей естественного прироста населения по СССР и РСФСР (*таблица 16*).

Как прямое наследие войны в стране долго сохранялась диспропорция между полами[2]. Согласно записке начальника ЦСУ СССР В. Н. Старовского и заместителя председателя Госплана СССР А. Д. Панова на имя В. М. Молотова, если в начале 1948 г. в сельской местности страны на 100 женщин (трудоспособного возраста, 16–54 года) приходилось 67 мужчин (16–59 лет), то в Карело-Финской ССР – 59, РСФСР – 62 (например, в Смоленской области – 53, Мордовской АССР – 54, Калужской и Вологодской областях – по 55, в Иркутской области – 78), УССР – 59 (восточные области) и 81 (западные области), БССР – соответственно 62 и 85, Казахской ССР – 74, Эстонской и Латвийской ССР – по 78, Молдавской ССР – 81, Киргизской ССР – 84, Армянской и Туркменской

1 29 ноября 1952 г. Бюро Президиума ЦК утвердило проект государственного бюджета СССР на 1953 г., в его доходной части (544,1 млрд. руб.) главными статьями дохода были: налог с оборота – 265,9 млрд. руб.; отчисления от прибылей – 81,2; налоги с населения – 50,2; госзаймы – 39,2 млрд. руб. В расходной части бюджета (500,9 млрд. руб.) на финансирование народного хозяйства выделялись 187,6 млрд. руб.; на социально-культурные мероприятия – 131,1; на сметы Военного и Военно-морского министерств – 124,1; МГБ и МВД – 19,7; на содержание органов государственного управления – 14,7; на госзаймы – 11,8 млрд. руб. // АПРФ. Ф. 3. Оп. 39 Д. 55. Л. 2–44. Расходы на образование, здравоохранение, социальное обеспечение, развитие семьи и детства, физкультуры и спорта были запланированы вдвое меньше, чем вся сумма налога с оборота. Последний, как уже отмечалось, был не прямым, а косвенным налогом на потребление для всех жителей страны, ставки его произвольно менялись правительством в зависимости от потребностей казны, а потому он не был способен обеспечить стабильность финансовой базы. Это также объясняет, почему после войны год от года росли и прямые налоги на население, сокращались льготы, принудительно распространялись займы.

2 В 1922 г., после завершения Гражданской войны, соотношение между мужчинами и женщинами составляло 47,7 против 52,3% всего населения СССР, в 1940 г. – соответственно 47,9 против 52,1%, в 1959 г. – 45,0 против 55,0% // Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбилейный статистический сборник / ЦСУ СССР. М., 1982. С. 10.

Таблица 15

Численность рабочих и служащих в народном хозяйстве СССР по полу и возрасту (по состоянию на 1 марта 1947 г., 1 мая 1948 г., 5 мая 1949 г.; тыс. человек)

Категории населения	Дата учета	Учтено рабочих и служащих списочного состава
Мужчины	1 марта 1947 г.	15 873,5
	1 мая 1948 г.	17 081,3
	5 мая 1949 г.	17 924,9
Женщины	1 марта 1947 г.	14 623,0
	1 мая 1948 г.	15 592,3
	5 мая 1949 г.	16 262,9

Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3398. Л. 30.

ССР – по 89, Грузинской ССР – 90, Узбекской ССР – 91, Литовской ССР – 94, Таджикской ССР – 96[1]. Таким образом, по данному показателю Россия вошла в число неблагополучных союзных республик.

В общей структуре сельского населения Советского Союза мужчины в возрасте 14–54 лет составляли: на начало 1945 г. – 14,1%, 1948 г. – 21,7; женщины того же возраста – соответственно 34,2 и 33,7%. Несколько по-иному складывалась ситуация в городах. Косвенно об этом свидетельствует соотношение между занятыми в промышленности мужчинами и женщинами, представленное в справке начальника ЦСУ СССР В. Н. Старовского министру Вооруженных сил СССР А. М. Василевскому от 20 сентября 1949 г. (*таблица 15*).

В 1940 г. удельный вес женщин среди рабочих и служащих составлял 38%, в 1945 г. – 57[2], а в 1947–1949 гг. – чуть более 47%

1 РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 538. Л. 59–64. Согласно этой записке (№ 1123 с от 20 марта 1948 г.) опрос охватывал 99% от общего числа сельсоветов и, по мнению авторов, «позволял все же получить приблизительную характеристику половой и возрастной структуры сельского населения», т. е. в статорганах не заблуждались в отношении точности тех данных, которые к ним поступали от подведомственных учреждений.

2 *Там же.* Д. 533. Л. 101–106.

Таблица 16

Сведения о рождаемости, смертности (в том числе детей до 1 года), естественном приросте, брачности по СССР и РСФСР за 1940 г., 1945–1950 гг.

Наименование территории		Годы						
		1940*	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Число зарегистрированных актов о рождении:								
СССР	Город	1 870 035	1 024 903	1 630 310	1 775 940	1 533 187	1 930 831	1 877 963
	Село	3 839 198	1 544 788	2 421 129	2 665 325	2 619 038	3 184 419	2 966 294
	Всего	**5 709 233**	**2 569 691**	**4 051 439**	**4 441 265**	**4 152 225**	**5 115 250**	**4 844 257**
РСФСР	Город	1 234 524	667 122	1 061 792	1 138 468	975 836	1 251 372	1 194 543
	Село	2 494 125	769 721	1 320 623	1 444 459	1 413 704	1 761 890	1 590 203
	Всего	**3 728 649**	**1 436 843**	**2 382 415**	**2 582 926**	**2 389 540**	**3 013 262**	**2 784 746**
Число зарегистрированных актов о смерти:								
СССР	Город	1 161 575	675 672	702 341	1 041 974	770 470	690 329	700 814
	Село	2 067 966	1 255 268	1 159 306	1 598 232	1 175 462	1 092 493	1 047 504
	Всего	**3 229 541**	**1 930 940**	**1 861 647**	**2 640 206**	**1 945 932**	**1 782 822**	**1 748 318**
РСФСР	Город	803 708	434 353	461 111	651 980	495 413	443 125	453 877
	Село	1 479 463	636 807	623 509	809 781	665 582	605 908	581 693
	Всего	**2 283 171**	**1 071 160**	**1 084 620**	**1 462 761**	**1 160 995**	**1 049 033**	**1 035 570**
Количество зарегистрированных актов о смерти детей в возрасте до 1 года:								
СССР	Город	387 636	84 306	134 053	247 396	148 768	168 510	177 335
	Село	692 169	109 503	145 178	260 955	204 098	231 874	211 329
	Всего	**1 079 805**	**193 809**	**279 231**	**508 351**	**352 866**	**400 384**	**388 664**
РСФСР	Город	272 450	58 522	95 482	170 179	101 882	113 675	120 736
	Село	514 384	53 601	85 062	161 712	125 838	137 408	124 615
	Всего	**786 834**	**112 123**	**180 544**	**331 891**	**227 720**	**251 083**	**245 351**

Наименование территории		Годы						
		1940*	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Разность между числом родившихся и умерших:								
СССР	Город	708 460	349 231	927 969	733 966	762 717	1 240 502	1 177 149
	Село	1 771 232	289 520	1 261 823	1 067 093	1 443 576	2 091 926	1 918 790
	Всего	**2 479 692**	**638 751**	**2 189 792**	**1 801 059**	**2 206 293**	**3 332 426**	**3 095 939**
РСФСР	Город	430 816	232 769	600 681	486 488	480 423	808 247	740 666
	Село	1 014 662	132 914	697 114	633 677	748 122	1 155 982	1 008 510
	Всего	**1 445 478**	**365 683**	**1 297 795**	**1 120 165**	**1 228 545**	**1 964 229**	**1 749 176**
Количество зарегистрированных актов о браке:**								
СССР	Город	512 729	641 499	1 104 863	862 326	909 922	1 001 047	1 055 955
	Село	511 580	475 533	1 011 364	985 249	1 003 581	1 018 381	1 023 214
	Всего	**1 024 309**	**1 117 032**	**2 116 227**	**1 847 579**	**1 913 503**	**2 019 428**	**2 079 169**
РСФСР	Город	328 812	427 113	715 433	536 854	575 004	621 357	648 507
	Село	287 559	304 094	611 662	562 657	563 147	584 352	580 504
	Всего	**616 371**	**731 207**	**1 327 095**	**1 099 511**	**1 138 151**	**1 205 709**	**1 229 011**

Составлено по: ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1420. Л. 9–12, 22–33; Д. 1425. Л. 33–44; Д. 1427. Л. 159–177; Д. 1438. Л. 102–120; *Попов В. П.* Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны... С. 76–94.

* Без Латвийской ССР, Литовской ССР, Молдавской ССР, Эстонской ССР, западных областей Белорусской и Украинской ССР.

** Не приводятся сведения о количестве зарегистрированных актов о прекращении браков, поскольку в послевоенные годы в связи с изменением законодательства количество разводов резко сократилось. В СССР в 1940 г. были зарегистрированы 198 380 разводов (в том числе в сельской местности – 94 784), в 1945 г. – 6 578, в 1946 г. – 17 578, в 1947 г. – 28 800, в 1948 г. – 41 032, в 1949 г. – 55 936, в 1950 г. – 67 332 (в том числе в сельской местности – 8 688).

от общего числа занятых. Значительная вовлеченность женщин в общественное производство, как и протяженность рабочего дня, преобладание ручного труда в большинстве отраслей народного хозяйства существенно влияли на все демографические показатели. Если в 1950 г. наибольший коэффициент сменности[1] был в угольной промышленности – 2,33% (в 1940 г. – 2,37), то в текстильной, где трудились в основном женщины, – 1,95% (в 1940 г. – 1,96). В 1947 г. ручным трудом в текстильной промышленности было занято 40% рабочих, на предприятиях Министерства путей сообщения – 70, на стройках – до 80%[2].

Особо отмечу проблему влияния миграции на численность сельского и городского населения. С 1 января 1952 г. по 1 января 1953 г., по данным статуправления РСФСР, ее сельское население сократилось с 54967,3 до 54782,4 тыс. человек. Какие процессы скрывались за этими цифрами? В 1952 г. в российской деревне естественный прирост составил 997,2 тыс., а механический – минус 1078,6 человек. За счет административно-территориальных преобразований (перевод сельских поселений в городские) село сократилосьна 103,5 тыс. граждан[3]. В благополучных районах (Московская область, Краснодарский край) естественный прирост населения в селах дополнился притоком мигрантов,

[1] Коэффициент сменности – отношение общего числа рабочих к числу тех, кто был занят в первой (наиболее многочисленной) смене // *Там же.* Л. 147–149.

[2] *Там же.* Л. 117–124, 147–149.

[3] «РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 1689, л. 48–61. Приведённые данные также приблизительны. По мнению статуправления РСФСР, недоучёт всего населения России на указанную дату составил 1 586,5 тыс. человек. По данным же ЦСУ СССР, население республики на 1 января 1953 г. насчитывало лишь 52,21 млн. человек. В документе ЦСУ СССР на имя В. М. Молотова указано, что эти данные о сельском населении исчислены на основе похозяйственных книг // РГАСПИ, ф. 82, оп. 2, д. 538, л. 59–64. Разница в показателях объяснялась статуправлением РСФСР «неполнотой записей населения в похозяйственных книгах и списках сельсоветского учета», а также «за счет отдельных групп гражданского населения, не учитываемых в похозяйственных книгах и списках сельского учета» // РГАЭ, ф. 1562, оп. 33, д. 1689, л. 50–52.

а в неблагополучных (например, Алтайский край, Вологодская, Саратовская и Чкаловская области) механический отток жителей превысил число родившихся.

Применительно к городскому населению РСФСР за 1952 г. прирост составил 5 241,3 тыс., а выбыло 4 152,7 тыс. человек (механический прирост – 1 088,6 тыс.)[1]. Резкие колебания миграционных потоков в городах были связаны с тем, что после завершения строительства таких крупных объектов, как Волго-Донской судоходный канал, мост через Волгу в Астраханской области, газопровод в Чкаловской области и др., рабочая сила перемещалась на другие стройки (ОбьГРЭС в Новосибирской области и проч.). Кроме того, необходимо учесть отъезд людей на учебу в вузы и средние учебные заведения, школы и различные курсы (около 60% мигрантов составляли 15–29-летние). В статорганах назывался основной недостаток в учете передвигавшегося населения: «Прибывающие и выбывающие дети до 16 лет в подавляющем большинстве не вписываются и не выписываются в домовых книгах»[2].

В таких хаотических перемещениях людей, понуждаемых темпами послевоенного восстановления, уже проглядывали черты будущего разделения страны на трудоизбыточные и трудонедостаточные районы. В поисках лучшей жизни уезжали те, кто имел такую возможность, кому возраст и профессиональные навыки позволяли найти работу или учебу, прокормить семью. Оставшиеся приспосабливались, что усиливало их тягу к личному хозяйству и побочным заработкам, позволявшим выжить. Отсутствие перспектив у таких людей определяло их особую жизненную позицию.

Советская экономическая модель при всей ее мощи, широте охвата и жестком принуждении все же не была способна соединить в одно целое квалификацию работника, его заработную плату и производительность труда. Проводя внутреннюю политику, Сталин не стремился сохранить «социальный баланс» в обществе (но это усиливало хаос на рынке труда) и делал ставку на город в ущерб селу потому, что и после войны рассматривал «выгребание

[1] *Там же.* Оп. 20. Д. 1050б. Л. 1–7.

[2] *Там же.* Л. 7.

средств из деревни» (формулировка коммунистического идеолога Е. А. Преображенского) в качестве главного источника «социалистического накопления». Представляется, что привычная оценка демографами урбанизации, с сопутствовавшим ей сокращением численности сельских жителей и, как следствие, снижением рождаемости среди них и населения страны в целом[1], может быть принята с некоторой поправкой. Огромный рост промышленных объектов после войны, сопровождавшийся притоком массы людей, еще не означал урбанизации, поскольку не создавалась ее инфраструктура. Видимо, «жертвы урбанизации» нужно рассматривать применительно ко всему периоду советской истории.

Что касается демографической истории 1940-х – начала 1950-х гг., следует выделить две даты: 1944 г., когда падение рождаемости остановилось, а затем начался ее подъем, и прервавший позитивные перемены 1947 г. Именно в послевоенные годы в СССР была упущена возможность вернуться к демографической модернизации, которую проходили многие страны. Кроме того, совершенные советским народом подвиги (воинский и трудовой) значительно деформировали развитие народонаселения Советского Союза и нивелировали влияние демографических факторов, характерных для любого общества, развивавшегося без внутренних потрясений.

1 Демографическая модернизация России... С. 168–169.

Заключение

Советская плановая экономика представляла собой способ решения главной задачи, стоявшей перед страной,– преодолеть вековую отсталость России от западных стран. Радикализм большевиков принес им победу в Гражданской войне, а ликвидация помещичьего землевладения – поддержку крестьян. Проведение курса на индустриализацию и ликвидацию кулачества как класса проходило в условиях отсутствия в стране реальной политической альтернативы коммунистической партии, которая полностью контролировала все общественные процессы. Оппоненты большевиков из социалистического лагеря были разъединены и в эти годы практически не могли влиять на принятие важных хозяйственных решений, их теоретические воззрения с ориентацией на ведущую роль рынка в организации экономической жизни страны были безжалостно отброшены. Единственным хозяйственным укладом, который РКП(б) была намерена развивать, стал социалистический. Политика партии была направлена на создание в сжатые сроки мощного военно-промышленного комплекса (ВПК), что вело к милитаризации экономики (по советской лексике, *«военизации»*) и хозяйственной автаркии. Этому способствовал и ряд обстоятельств. Во-первых, для России экспорт промышленной продукции никогда не был главным условием функционирования экономики, а обширные природные ресурсы позволяли жить в условиях экономической изоляции. Во-вторых, определяющую роль играл идеологический фактор, разделявший две социальные системы, и у советского правительства сохранялись надежды, что в условиях кризиса капитализма может разразиться новая мировая война между Германией и европейскими странами. Поэтому СССР следовало остаться в стороне от схватки и использовать время для создания мощной армии (планировалось, на случай «военного столкновения», создание армии численностью в 2,7 млн. человек), дожидаясь истощения сил основных соперников, чтобы диктовать условия побежденным. Такова была сталинская стратегия, и с этого времени вся жизнь в стране кардинально изменилась: центральная

власть с помощью пятилетних планов стала единолично решать, что следует делать населению. Идеологи и пропагандисты, поэты и художники стали воспевать пятилетки и их героев, новых индустриальных бойцов в лице стахановцев и ударников. Все личные права и свободы человека стали фикцией (от свободы выбора места жительства до неприкосновенности личности). Полный контроль государства за средствами производства, предельная бюрократизация аппарата управления, бесхозяйственность на производстве, несвободный труд стали визитной карточкой советской системы. Как показали последующие события, созданная бюрократическая система управления обществом и экономикой была способна действовать только в условиях тотального контроля государства за всеми и вся (от проблем производства до вопросов потребления). Во внешнем мире удельный вес СССР за все годы его существования в мировой экономике был поразительно мал в сравнении с природными и человеческими ресурсами страны.

Советская плановая доктрина сложилась сразу, взяв за основу марксистские идеи. Тот факт, что она была реализована только к середине 1930-х гг., объясняется рядом обстоятельств, в первую очередь, на мой взгляд, характером экономики царской России, в которой различные хозяйственные уклады представляли единый организм, ориентированный в значительной степени на рынок и отличающийся сложными связями. За исторически короткий срок, около двух десятков лет, большевики смогли реализовать идею централизованной плановой экономики, основные положения которой нашли отражение еще в 1919 г. во Второй программе РКП(б). Советская экономика «споткнулась» не о производство; сверхзатратное по своей природе, оно, тем не менее, ценой колоссальных издержек до самого конца было способно реализовывать крупные государственные проекты. Главным недостатком было отсутствие личного интереса и хозяйственной самостоятельности у всех участников производственного процесса, что лишало экономику способности к быстрым и качественным переменам, переходу на новую ступень развития. По этой же причине технологические заимствования у западных стран, равно как и иностранные инвестиции в советскую экономику, не могли быть эффективными.

В обществе, лишенном частной собственности на средства производства, где экономический процесс был основан не на свободном труде по найму, а на государственном принуждении с его лозунгом «кто не работает, тот не ест», и характер социальных отношений определялся в первую очередь также государством. Все усилия советского правительства сосредоточивались на налаживании такой системы, которая позволяла бы ему хранить, охранять и распределять накопленные обществом богатства.

Россия и западные страны прошли свой исторический путь, но стадиальное отставание России, характерное для начала XX века, сохранилось и в конце его. Действительные причины, вызвавшие провал советской хозяйственной системы, как показано в нашей книге, прямо вытекали из самого характера централизованной плановой экономики. Их напрасно объяснять, как это делают многие отечественные историки, отсталостью России в начале XX в., разрушительным характером Первой и Второй мировых войн, враждебным капиталистическим окружением или саботажем и контрреволюционной деятельностью «врагов народа». Насилие и террор в отношении населения собственной страны, в том числе террор экономический (о необходимости применения которого не уставал напоминать своим соратникам Ленин), объяснялись большевиками заботой об «общенародном благе» и «экономической целесообразности». Продолжать приводить названные причины в качестве главных и основных для объяснения крушения социализма в СССР – значит полностью игнорировать исторические факты.

Библиография

Алексеева Г. Д. Идеологические процессы в России 20–30-х годов XX века // Труды Института российской истории. М., 2004. Вып. 4.

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. П. Демографическая история России: 1927–1959 гг. М., 1998.

Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. П. Население Советского Союза. 1922–1991. М., 1993.

Антология «мировой закулисы» / Д. Рокфеллер, Г. де Ротшильд и др. М., 2017.

Бовыкин В. И. Экономическая политика царского правительства и индустриальное развитие России // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003.

Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. М., 1999.

Вайнштейн А. Л. Народный доход России и СССР // *Вайнштейн А. Л.* Избранные труды. В 2 кн. М., 2000. Кн. 2.

Вайнштейн А. Л. Цены и ценообразование в СССР в восстановительный период (1921–1928 гг.) // *Вайнштейн А. Л.* Избранные труды. В 2 кн. М., 2000. Кн. 2.

Валентей Д. И., Кваша А. Я. Основы демографии. М., 1989.

Валентинов Н. (Н. Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991.

Витте С. Ю. Национальная экономика и Фридрих Лист. СПб, 1912.

ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1940. Кн. 1–2.

Волошин С., Стрилевер И., Ямпольский Л. Справочник по хлебному делу. М.– Л., 1932.

Всемирная история экономической мысли. В 6 т. Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период. М., 1997. Т. 6. Кн. 1.

Гиндин И. Ф. Русские коммерческие банки: из истории финансового капитала в России. М., 1948.

Голанд Ю. Потерянный шанс (о привлечении иностранного капитала) // https://www.yabloko.ru/Themes/SRP/shans.html

Голод в СССР. 1929–1934. В 3 т. / Отв. составитель В. В. Кондрашин. М., 2011–2013.

Grebenyuk P. S. The Gold Factor and Soviet Gold Industry during the Stalin Epoch // Вестник СПбГУ. История. 2019. Т. 64. Вып. 3.

Грегори П. Политическая экономия сталинизма. М., 2008.

Грегори П. Экономическая история России // Экономическая история. Ежегодник. 2000. М., 2001.

Далин Д. После войн и революций. Берлин, 1922.

Данилов В. П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды в 2 ч. М., 2011. Ч. 1–2.

Данилов В. П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957.

Двенадцатый съезд РКП(б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. М., 1963.

Декреты Советской власти. М.,1959. Т. 2.

Демографическая модернизация России. 1900–2000 / Под ред. А. Г. Вишневского. М., 2006.

Дневник наркома // Вестник Архива Президента РФ. 1997. № 5.

Зеленин И. Е. Сталинская «революция сверху» после «великого перелома»: политика, осуществление, результаты. М., 2006.

Земсков В. Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М., 2016.

Земсков В. Н. Проблемы установления масштаба людских потерь СССР в Великой Отечественной войне // Политическое просвещение. 2015. № 2.

Зима В. Ф. Голод 1921–1922 годов в Советской России: власть и церковь. М., 2015.

Зима В. Ф. Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.

«Изменения паспортной системы носят принципиально важный характер». Как создавалась и развивалась паспортная система в стране // Источник. 1997. № 6.

История экономических учений: уч. пособие / Под ред. В. С. Автономова и др. М., 2000.

Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века. Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000.

Капустин Е. И. Теоретик и практик народнохозяйственного планирования. К 125-летию со дня рождения академика С. Г. Струмилина // Экономическая наука современной России. № 3. 2003.

Кастельс М. Информационная эпоха. М., 2000.

Кафенгауз Л. Б. Статьи 1917–1918 гг. // *Кафенгауз Л. Б.* Эволюция промышленного производства России. М., 1994.

Ковальковский П. Л. Бюджет СССР. Историко-критический обзор. Мюнхен, 1956.

Кондратьев Н. Д. Особое мнение. Избранные произведения. В 2 кн. М., 1993. Кн. 1.

Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М., 1991.

Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов: трагедия российской деревни. М., 2018.

Корнаи Я. Размышления о капитализме / Пер. с венг. М., 2012.

Корнаи Я. Социалистическая система: политическая экономия коммунизма / Пер. с англ. М., 2000.

Красин Л. Б. Письма к жене и детям. 1917–1926 / Под ред. Ю. Фельштинского и др. [Б.г., б.м.]. С. 84.

Ленин В. И. Государство и революция. Август–сентябрь 1917 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 33.

Ленин В. И. Доклад о продовольственном налоге. Апрель 1921 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 43.

Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции (проект платформы пролетарской партии). 28 мая 1917 г. // Аграрная политика Советской власти (1917–1918). Документы и материалы. М., 1954.

Ленин В. И. I конгресс Коммунистического интернационала 2–6 марта 1919 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37.

Ленин В. И. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999.

Ленин В. И. О голоде (письмо к питерским рабочим 22 мая 1918 г.) // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности. Май 1918 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В. И. Очередные задачи Советской власти. Март 1918 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 36.

Ленин В. И. Пролетарская революция и ренегат Каутский. Октябрь-ноябрь 1918 г. // *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37.

Литошенко Л. Н. Социализация земли в России. Новосибирск, 2001.

Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Сб. статей. СПб, 1995.

Мерль Ш. Советская экономика: современные оценки // Экономическая история. Ежегодник. 2016/17. М., 2017.

Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социологический анализ. М., 1994.

Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005.

Мировое хозяйство и внешняя торговля СССР в 1931 г. Конъюнктурный сборник за 1931 г. М. – Л., 1932.

Народное хозяйство СССР. 1922–1982. Юбилейный статистический сборник / ЦСУ СССР. М., 1982.

Николаев А. А. Мелкая промышленность и кустарные промыслы Сибири в советской кооперативной системе. Новосибирск, 2000.

Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 21–23 октября 1927 г. Документы и материалы. М., 2018.

О'Коннор Т. Э. Инженер революции: Л. Б. Красин и большевики. 1870–1926. М., 1993.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.

Осокина Е. А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928–1935. М., 1993.

«Первая заповедь»: хлебозаготовки в СССР. 1931–1932 / Отв. сост. В. В. Кондрашин. М., 2016.

Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. М., 2017. Т. 5. Экономика и оружие войны.

Первая мировая война 1914–1918 годов. В 6 т. М., 2017. Т. 6. Итоги и последствия войны.

Петров Ю. А. Налоги и налогоплательщики в России // Экономическая история. Ежегодник. 2002. М., 2003.

Петров Ю. А. Экономический рост позднеимперской России и система С. Ю. Витте // Исторические вызовы и экономическое развитие России. Материалы Всероссийской научной конференции. Екатеринбург, 2019.

Письма И. В. Сталина В. М. Молотову. 1925–1936 гг. Сб. документов. М., 1996.

Пихоя Р. Г. Архивная революция в России двадцать лет спустя // *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016.

Пихоя Р. Г. Об условиях принятия решения о вводе войск в Афганистан // Российская история. 2019. № 6.

Платонов Д. Н. У истоков русской экономической науки. Монография. М., 2014.

Поликарпов В. В. От Цусимы к Февралю: царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008.

Попов В. П. Голод и государственная политика (1946–1947 гг.) // Отечественные архивы. 1992. № 6.

Попов В. П. Государственный резерв хлеба в СССР и социальная политика // Социологические исследования. 1998. № 5.

Попов В. П. Паспортная система в СССР. 1932–1976 // Социологические исследования. 1995. № 8–9.

Попов В. П. Причины сокращения численности населения РСФСР после Великой Отечественной войны // Социологические исследования. 1994. № 10.

Попов В. П. Региональные особенности демографического положения РСФСР в 40-е годы // Социологические исследования. 1995. № 12; 1996. № 3–4.

Попов В. П. Роль государства в регулировании рынка сельхозпродуктов в 1917–1940 гг. // Аграрный рынок в историческом развитии. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 1996.

Попов В. П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). Сб. документов. М., 1993.

Попов В. П. Сталин и проблемы экономической политики после Отечественной войны (1946–1953). М., 2002.

Попов В. П. Сталинизм в человеческом измерении. Работы разных лет. М., 2016.

Попов В. П. Сталинское экономическое «чудо» после войны (1946–1953) // Россия в XX веке: реформы и революции. В 2 т. М., 2002. Т. 2.

Попов В. П. Хлеб как объект государственной политики в СССР в 1940-е годы // Отечественная история. 2000. № 2.

Предположительный хлебно-фуражный баланс СССР на 1926/1927 сельскохозяйственный год. М., 1927.

Программа и Устав КПСС. М., 1964.

Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М., 1960.

Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политические кризисы / Отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014.

Россия и СССР в войнах XX века: книга потерь. М., 2010.

Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении русского народного хозяйства. М., 1922.

Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. М., 1988.

Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР. М., 2011.

Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015.

Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001.

Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947–1953 гг. Документы и материалы. М., 2017.

Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927–1937). Сб. документов. М., 2008. Т. 3. Ч. 1 (1927–1932).

Струмилин С. Г. К хозяйственному плану на 1921/22 г. // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1963. Т. 2. На плановом фронте.

Струмилин С. Г. Первые опыты перспективного планирования. 1930 г. // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1963. Т. 2. На плановом фронте.

Струмилин С. Г. Планирование в СССР // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1964. Т. 5. Проблемы социализма и коммунизма в СССР.

Струмилин С. Г. Плановые проблемы и достижения // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1963. Т. 2. На плановом фронте.

Струмилин С. Г. Социалистический способ производства // *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. В 5 т. М., 1964. Т. 5. Проблемы социализма и коммунизма в СССР.

«Таковы, товарищи, факты» // Источник. 1998. № 2.

Ханин Г. И. Экономическая история России в новейшее время. Монография. В 2 т. Новосибирск, 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 1930-х годов – 1987 год.

Хойслер Й. Леонид Красин и «монополия внешней торговли» // Экономическая история. Ежегодник. 2013. М., 2014.

Христофоров И. А. Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6.

Цвайнерт Й. История экономической мысли в России. 1805–1905. / Пер. с нем. М., 2008.

Частный капитал в народном хозяйстве СССР. Материалы комиссии ВСНХ СССР. М.–Л., 1927.

Шанин Т. Четыре с половиной аграрных программы В. И. Ленина // Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. М., 2015.

Шахтинский процесс 1928 г.: подготовка, проведение, итоги. В 2 кн. М., 2011.

Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

Указатель имен